

18+

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕНОВ

За спиной адъютанта Его превосходительства

КНИГА ВТОРАЯ

Александр Черенов

**За спиной адъютанта Его
превосходительства. Книга вторая**

«Издательские решения»

Черенов А.

За спиной адъютанта Его превосходительства. Книга вторая /
А. Черенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839133-0

«Адъютант Его Превосходительства»? Что-то знакомое, правда? Что-то... такое... героическое. О героях. Только здесь героев нет — ни «красных», ни «белых». А, если они и появляются, то лишь в комедийном, сатирическом и даже анекдотическом ключах. Потому что это — пародия и на первоисточник, и на пародию истории. Ведь в этой книге никто никого не убьёт, не взорвёт, не сожжёт и не пустит под откос. Но и без этих ненужных эксцессов читателю не придётся скучать... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-839133-0

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвёртая	21
Глава пятая	29
Глава шестая	33
Глава седьмая	38
Глава восьмая	45
Глава девятая	52
Глава десятая	59
Глава одиннадцатая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

**За спиной адъютанта
Его превосходительства
Книга вторая**

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2021

ISBN 978-5-4483-9133-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Стук натренированных кулаков в дверь, будь это ночью, разбудил бы не только жильцов этого дома, но и всех прочих в радиусе двухсот метров. Хорошо ещё, что капитан не пустил в ход травмированную ногу. Только появление Наташи остановило надругательство над дверью.

– В чём дело, капитан?

Концов бесцеремонно оглядел её прелести, выглядывающие из незапахнутого халата – и проник в помещение. Слова, которые адресовались Наташе, но которые отчётливо слышал и «Нумизмат», спешно натягивающий штаны наверху, не заставили себя ждать.

– Усикова надо убить! Немедленно! Сегодня же! Сейчас же!

– Кого убить? За что?

Наташа уже не косилась испуганно на дверь: соседи давно перестали удивляться. Да и какой смысл: Концова не переделать. «Соответствуя мнению», Павел Андреич принялся энергично расхаживать по коврам гостиной, по своему обыкновению, так и не сняв грязных сапог.

– Убить, убить! Только убить!

– ???

Наташа знала, что лучшим средством побудить капитана к членораздельной речи было качественное изумление.

– Узнал! Лично сам!

– Что именно?

Концов выдержал эффектную паузу.

– В Директорию едет капитан Усиков! Сегодня вечером! Но, он туда не доедет, потому, что аудиенцию у головного атамана я заменю ему аудиенцией у Господа Бога!

– Фу, ты!

Наташа в изнеможении опустилась в кресло. При этом полы её халата распахнулись так широко, что Концов на время отставил желание смертоубийства. По причине другого желания, внезапно вспыхнувшего в нём. И лишь когда Наташа, почувствовав на своём теле плотоядный взгляд, густо покраснела и запахнула халат, Концов смог вернуться к «повестке дня».

– Поэтому я счёл своим долгом информировать Вас о предстоящей акции!

– Уже «акции»?

Ирония связной была не случайной. Наташа уже взяла себя в руки, чуть раньше не позволив сделать это капитану.

– Никого не надо убивать. Это – во-первых. А...

– А я пришёл не мнения Вашего спрашивать, и, тем более, не согласия!

Концов обратился в монумент – точно в центре гостиной.

– Я лишь хотел по-товарищески предупредить Вас! А теперь разрешите откланяться: мне ещё надо подготовиться к отъезду!

Он уже повернулся спиной к связной, как вдруг...

– Ещё один шаг – и я пожалуюсь на Ваше самоуправство в Центр! А до получения ответа заморожу Вам выплату денежного содержания!

Это был удар! И куда похлеще банальных пощёчин! Надо было видеть Концова! Он остоленел, отвесил челюсть – и блудливая ухмылка медленно сползла с его побледневшего лица.

– Я, видимо, неловко пошутил, Наталья Николавна...

В устах Концова это прозвучало как согласие на безоговорочную капитуляцию. В обстановке Павел Андреич ориентировался мгновенно.

– Великодушно прошу меня извинить.

Впервые Концов так низко падал перед женщиной. Если, конечно, не считать падений в кровать. Но понять его было можно: «не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасёшься!» А спастись надо было немедленно. На кону стояло всё, что только и было дорого сердцу Павла Андреича: вино, карты и девочки.

– Ну, хотите, я встану на колени?

И Павел Андреич встал бы. А что, тут, такого? За сохранение статус-кво не только на колени встанешь: на брюхе ляжешь! И не в ногах – а под дверью! Как собака!

– Нет, не хочу.

С одной стороны, Наташе, конечно, льстила такая форма самоуничужения капитана. Но, с другой стороны, она не сомневалась в истинных причинах «раскаяния». Для сохранения финансирования Концов не только лёг бы на брюхо – но и пополз на нём, даже не торгуясь о длине маршрута. После чего, как ни в чём не бывало, он был отряхнул от пыли свои аксельбанты – и остался прежним Концовым. Насильно «редактировать» его было бесполезно. Капитан не был из числа людей, о которых говорят: «такого лишь могила исправит!» Применительно к нему даже это радикальное средство не давало никаких гарантий.

– Во-первых, – махнула рукой Наташа, – запомните, что никого убивать не надо! А...

– Всё-таки лучше было бы убить!

Из Концова опять выглянул... Концов.

– Знаете, как-то надёжнее!

– ...

– Но если Вы – против, то я не настаиваю!

Наташа покачала головой: нет, этого и могила не исправит. В какой-то момент она даже позавидовала Концову. В духе уличной частушки «Хорошо тому живётся, у кого одна нога!».

– А во-вторых, письмо, которым Усикова снабдят в дорогу, Вам надо изъять. А...

– Ну, я же говорю, что Усикова нужно убить!

Адресованный Концову взгляд был сродни тем, какими врачи психиатрических клиник смотрят на безнадежно больных.

– Ещё раз говорю Вам, что никого убивать не надо. Вам нужно будет лишь подменить письмо другим, которое Вы сами же и сочините! Как и где подменить – этого я пока не знаю. Тут надо подумать. Пока же возвращайтесь в штаб, и садитесь за составление письма. Если Вы поторопитесь, думаю, что и оригинал, и «заменитель» будут закончены одновременно. И, следовательно, у нас будет время для решения технических вопросов. Поэтому идите – а вечером я жду Вас у себя...

– !!!

– Не в будуаре, а для дальнейших инструкций. До свидания, Павел Андреич!

– Желаю здравствовать!

Небрежно козырнув, Концов вышел на воздух, ногой открыв входную дверь, и ногой же её закрыв. Удовлетворение его было не полным. И причиной была не только недотрога Наташа: уж очень ему не терпелось устроить коллеге Усикову небольшое кровопускание.

Едва несчастная дверь обрела покой, «Нумизмат» кубарем скатился с лестницы. Уже – в штанах.

– Наташенька, я – скоро!

Через двадцать минут Михаил Николаевич знал всё, что уже знали Наташа и «Нумизмат».

– То-то я думаю: с чего это Концов вдруг предался мукам творчества! А это, оказывается, вариация на тему запорожцев и их письма султану! Ладно, «нехай» пишёт! А мы с Вами, дорогой Платон Иванович, должны продумать в деталях операцию изъятия письма у посланца

Кобылевского. Силовые методы отпадают. Это «чревато» – а Концов ещё нужен мне. Хотя бы – в качестве прикрытия. А он ещё и подслушивать умеет.

«Нумизмат» не мог не рассмеяться: Концов был свой – но малосимпатичный.

– Поэтому всё должно быть сделано тихо, без шума и пыли. Внешне задача выглядит просто: незаметно изъять письмо, и незаметно же его подменить. Изымать и подменять будет Концов – эта работёнка, как раз, для него. Вопрос: где и как?

Михаил Николаевич ушёл глазами в сторону – и задумался вслух.

– В штабе? Можно и в штабе, если, конечно, наш романист закончит свою эпистолу до отъезда Усикова на вокзал. А если не закончит? Я ведь не могу его поторопить. Надо продумать запасной вариант.

– ? – «поучаствовал» «Нумизмат».

– Поезд! Мы должны продумать вариант подмены в поезде! Нашему искателю приключений надо будет разъяснить, что речь идёт именно о подмене, но ни в коем случае не об отъёме!

– Сделаем!

«Нумизмат» задумался указательным пальцем в переносицу.

– А насчёт поезда думаю так: есть у меня в депо знакомые железнодорожники, которые могут провести Концова на паровоз.

– А дальше, – подхватил Михаил Николаевич, – Концов по крыше выходит на Усикова, ждёт, пока тот не покинет купе, и...

Творческий энтузиазм штабс-капитана скоростно иссяк.

– Платон Иваныч, а по какой причине Усиков его покинет? Для этого ему, как минимум, должно «приспичить»! А вдруг не «приспичит»? Как его выманить в коридор?

– Чёрт его знает, Михаил Николаевич! – честно почесал за ухом «Нумизмат». Но штабс-капитан тоже хотел знать – даже не будучи чёртом.

– Посоветуйтесь с Вашими железнодорожниками.

– А это – мысль, Михаил Николаевич! Лечу!

– Перед «отлётом», – усмехнулся штабс-капитан. – Вечером я жду Вас для окончательной шлифовки деталей. Честь имею!

Через полчаса «Нумизмат» уже находился в депо. Здесь все – и начальство, и рабочие – хорошо знали этого жуликоватого и оборотистого предпринимателя. Поэтому ему не составило труда «выбрать объект соблазна». Им оказался грубый на вид, бородатый мужик средних лет по фамилии Косоротов. Тот уже неоднократно выполнял щекотливые поручения «Нумизмата», связанные, правда, не с политикой, а с коммерцией. Точнее, с контрабандой и спекуляцией, что Платон Иваныч считал нормальными коммерческими операциями.

Косоротов, имевший на шее семь едоков, не считая себя, никогда не отказывал щедрому на вознаграждение «Нумизмату». Не отказал и в этот раз, хотя сразу же почувствовал нехороший подтекст.

– Не хотелось бы иметь дело с контрразведкой, потому что...

Изложить мотивировку опасений он не успел: в руках «Нумизмата» уже блеснули «фамильным благородством» золотые червонцы. Самый убойный довод против всех опасений.

– Ну, да, где наша не пропадала!

Когда сговорились, перешли к обсуждению деталей. Именно Косоротов предложил надеть «террориста» статусом члена паровозной бригады. Он же предложил и способ, которым предстояло выманить Усикова из купе в коридор и задержать его там минуты на две-три. По расчётам Михаила Николаевича, этого времени должно было хватить Концову для того, чтобы залезть в купе, подменить письмо – и спокойно «откланяться» тем же способом.

Правда, у «Нумизмата» имелись сомнения относительно того, что пакет может оказаться в кармане кителя Усикова, а тот наверняка будет на нём в момент «вызова» в коридор. Но Михаил Николаевич успокоил Платон Иваныча: такие пакеты в карман не влезают. Потому

что их туда и не кладут: noblesse oblige. Для этих целей предусмотрен специальный портфель, открыть который такому умельцу, как Концов, не составит труда.

В условленное время «Нумизмат» был в условленном месте. Михаил Николаевич подошёл одновременно с ним – черта, которую деловитый Платон Иванов ценит в людях едва ли не больше всех иных. После расчётливости и предприимчивости, конечно.

– Плохо дело! – «поздоровался» штабс-капитан. – Операция под угрозой срыва.

«Нумизмат» побледнел, и схватился за сердце.

– Концов... попался?

– Ну-у, Платон Иванов! – укорил соратника штабс-капитан. – Нельзя так! Если по каждому поводу хвататься за сердце, нас с Вами придётся менять еженедельно. Нитроглицерин есть?

Как профессионал коммерческих рисков, Платон Иванов обязан был иметь нитроглицерин. И он его имел.

– Ну, как? Можно продолжать?

– Извините, Михаил Николаевич.

– Принимается. Итак, дорогой Платон Иванов, говоря об угрозе операции, я не имел в виду Концова. Капитан жив-здоров, но он так вошёл в образ писателя, что не скоро оттуда выйдет. А Усиков, между тем, уже собирается в дорогу. Значит, письмо атаману готово. Вывод: рассчитывать на его подмену в штабе уже не приходится. Остаётся бег по крыше вагонов...

Штабс-капитан выразительно отработал губами. Явно – по адресу «романиста».

– Кстати, Платон Иванов – пока не забыл.

– Что это?

– Наш вариант «письма» атаману.

– ???

– Извините, что перебиваю Вас, дорогой Платон Иванов, но Вы, похоже, забыли, что творчество нашего друга продолжает иметь место быть.

А это – сочинение Вашего покорного слуги, куда более скромное, чем то, над которым сейчас корпит мой «собрат по цеху». Я, как видите, уложился в несколько строк – а Пал Андреичу уже не хватает десятого листа.

– ???

– Ну, я ведь не зря вспомнил о запорожцах! Так, что, Платон Иванов, отправляйтесь сейчас же домой. Не позже, чем через час Наташа должна вручить это письмо Концову.

– А...

– Знаю-знаю, Платон Иванов: автор тут же начнёт демонстрировать уязвлённое самолюбие! Ну, а вы тактично объясните ему, что письма такого рода исполняются, как правило, на одном, реже – двух листах. И добавьте, что размеры пакета не позволяют вложить в него всё эпистолярное наследие капитана. И самое главное: скажите ему, что люди, подобные атаману, не читают дальше третьего предложения!

После такой инструкции необходимости в «Б» уже не было.

– Теперь – о железнодорожнике!

Михаил Николаевич прозвучал настолько штабс-капитаном, что

«Нумизмат» тут же подтянулся.

– Договорились по всем пунктам. Осталось лишь проинструктировать Концова.

– Машинист – надёжный человек? – «на дорожку» «отработал Фомой» Михаил Николаевич.

– Мой человек!

Многозначительное ударение говорило за себя – и за штабс-капитана. Поэтому он «ограничился сказанным» – и перешёл к прощанию.

– Ну, что ж, Платон Иванович: нам осталось лишь надеяться. Всё, что можно и нужно, мы уже сделали. В случае... как это у Вас называется?..

Он защёлкал пальцами в ожидании подсказки.

– Форс-мажорных обстоятельств?

– Да-да! Так, вот, в случае форс-мажорных обстоятельств немедленно информируйте меня. Связь – по варианту номер три!

Руки двух шпионов соединились в рукопожатии.

– До встречи, Платон Иванович! И – с Богом!..

Глава вторая

Минут через пятнадцать «от возвращения «Нумизмата» несчастная дверь его дома вновь содрогнулась от скорострельной работы по ней человеческими конечностями. Это Павел Андреич возвестили о своём прибытии.

Подобно вихрю, капитан ворвался в гостиную, выхватил из-за пазухи кипу исписанных листов – и потряс нею над головой.

– Вот! Написал замечательное письмо! Сейчас вместе посмеёмся!

Наташа, на этот раз одетая, пусть и по-домашнему, но во все предметы, молча протянула руку.

– ??? – не нашёл других слов Концов.

– Давайте!

Связная требовательно щёлкнула пальцами.

– Некогда устраивать коллективные читки! Я сама ознакомлюсь и посмеюсь... если сочту возможным.

Концов обиженно потянул носом – но это не помешало ему передать труд Наташе. Знакомство началось. В процессе его лицо девушки поминутно меняло окрас с пунцово-красного до мертвенно-бледного. Дочитать монументальный труд до конца она так и не смогла. И – не по причине объёма. Письмо было так густо усеяно «русскими словами», что одолеть их чащобы и не смутиться мог один лишь автор.

Обычно о человеке в таком состоянии говорят, что он лишился дара речи или у него не было слов. Данный случай явился исключением. Когда Наташа пришла в чувство, у неё были слова. Много слов. И она даже собралась их сказать – но передумала.

– Это не годится.

Реакция Концова была вполне предсказуемой.

– Что?! Да я над этим письмом весь день просидел! Как последний дурак!

Наташа хотела выйти с подтверждением – но ей посчастливилось.

– Да что Вы можете понимать в литературе?!

Поскольку Наташа «хранила гордое терпенье» – в наборе с молчанием – Концову пришлось сменить тональность. В плане биения на сознательность.

– Ну, Вы же сами поручили мне это дело? Ну, в смысле, написать?

– Да, поручила.

Наташа слегка «отступила от линии». В целях профилактики эксцессов.

– Написать. Письмо, а не трактат на тему максимального использования ненормативной лексики в русской письменной речи. Извините, Павел Андреич, но под Ваше письмо надо ещё найти стойкие уши. Ну, чтобы при чтении вслух они не завяли.

– Для того и писано!

В словах Наташи Концову наверняка послышалось одобрение.

– И, потом: нельзя так... с автором! Давайте спорить! Давайте дискутировать! Глядишь – и родим истину!

Наташа усмехнулась. Явно на тему «Ну, и гусь же ты, Павел Андреич!» Она не ошиблась в оценке Концова – но это не облегчало задачи оппонента. Для пользы дела ей требовалось смягчить оценки – и пролиться, если не елеем – то, хотя бы, бальзамом.

– Вообще-то, Павел Андреич, основную мысль Вы ухватили верно. Да и изложили её убедительно – даже масштабно. Только пятнадцать листов – это...

– ???

Встречный взгляд Концова. И – не вполне вопросительный.

– ...это – пятнадцать листов. Если, кто и осилит Ваш труд – то уж точно не пан атаман. Политики, дорогой Павел Андреич, привыкли к чётким и кратким формулировкам! Поэтому всё письмо должно укладываться не на пятнадцати листах, а на половине страницы. Дальше третьего предложения атаман и читать не станет!

С чувством глубокого удовлетворения Наташа отметила – на всякий случай, про себя – как Концов начал быстро сдаваться и «сдуваться». От автора в его лице остались только испачканные чернилами манжеты. Теперь можно было расщедриться ещё на несколько капель бальзама на израненную душу Концова.

– ...Но, повторяю, основную мысль Вы, Павел Андреич, передали верно: угрозы и оскорбительный тон! Правда, в плане объёма и формулировок Вы... как бы это выразиться помягче... Ну, нельзя так писать официальному лицу! Нынче так не пишут! Ну, сами послушайте... Читаю с купюрами.

Наташа откашлялась. Дальше ей пришлось откашливаться «до самого финиша».

«Ясновельможный пан атаман! Если ты, ... твою мать, сукин сын и сучий потрох, хохлацкая морда, галушка недоеденная, пропустишь через свою территорию банду Якина, то мы тебя, козла вонючего, выбляд...»

Тут Наташе уже пришлось не откашливаться, а зайти в кашле. Выходила она из него багрового цвета – и вряд ли только от физических нагрузок.

– Извините, но дальше я читать не могу не только вслух, тем более при мужчине, но даже и про себя!.. Я понимаю, что Вы исходили из лучших побуждений. Но сегодня и запорожцы написали бы письмо турецкому султану иначе!

Наташа заблуждалась относительно художественных и литературных предпочтений Концова. Картинных галерей Павел Андреич не посещал, книг не читал, а в учебниках для церковно-приходской школы, каковую он с трудом окончил в объёме четырёх классов, иллюстраций такого рода не было. Возможно, именно за то, что он был столь «девственно чистым», его и любили женщины. Во всяком случае – в том числе и за это. Поэтому Концов и не думал подражать: писал, как Бог на душу положит. И не его вина была в том, что Бог «положил», не скупясь.

– Вот, в силу этих причин Ваше сочинение и не годится.

Наташа украдкой покосилась на капитана – и всё же перешла от вводной к резолютивной. Рискнула.

– Его следует заменить другим. Вот этим.

Концов взял в руки листок, молча прочитал – и сделал «страшную» мину.

– И это – всё?!

– Этого достаточно.

– А я старался! Я надрывался!

Капитулируя, Павел Андреич махнул рукой, вздохнул – и определил лист в нагрудный карман. Беспартийная Наташа имела теперь основания перекреститься хотя бы в душе.

– Кстати, а как Вы замените письма? Пакет-то будет опечатан! Вы продумали механику дела?

Вместо ответа Концов «убил» её презрительным взглядом.

По этой причине «убитой» осталось лишь вздохнуть и развести руками.

– Ну, тогда переодевайтесь в железнодорожную форму. Так как мы опоздали с подменой в штабе, придётся делать это в купе. Сейчас я проведу Вас к железнодорожникам. Вы сядете с ними на паровоз, и, следуя их инструкциям, проникните в купе. Ну, а дальше...

Договорить Наташа не смогла. Опять же по причине «взгляда-выстрела».

– Тогда – одна просьба. На дорожку: никакой самодеятельности! Без донкихотства, пожалуйста!

– Без дон... чего? – заинтересовался Концов.

– Без донкихотства! То есть, никакого ненужного героизма! Был такой литературный персонаж – дон Кихот. Из романа Сервантеса.

– Не читал, – обрадовал бы Концов любую женщину, окажись она на месте связной. Да и связную, не исключено, обрадовал бы, не будь она... связной.

– Переодевайтесь, Павел Андреич: у нас мало времени. Точнее, совсем уже нет.

Беспреданно критикуя бывшее в употреблении одеяние железнодорожника, Концов с трудом натянул его на своё тело, некогда худое, а теперь потерявшее от тягот штабной жизни былые очертания.

– Как последний бродяга, ... твою мать!

Брезгливо оглядев себя, Концов решительно приговорил новое старое обличье.

– Ладно, пошли!

Тёмными задворками, минут за двадцать пешего хода они с Наташей дошли до заросшего бурьяном пустыря, выходящего прямо на депо. Всю дорогу Концов падал не только в ямы, но и духом. Вопреки себе, он даже не пытался «ухаживать» за Наташей, несмотря на то, что всё: и соблазнительная фигура связной, и не менее соблазнительная темнота позднего вечера, располагало к тому.

Метрах в тридцати от них маячила какая-то фигура, неразличимая в мертвенном свете намечающейся луны.

– Вот он! – провела опознание Наташа. – Дальше Вы – сами. Подойдёте к нему, и скажете: «Здравствуйте, Харламий Онфимыч, я – от Платон Ивановича». Он – в курсе.

– «Харламий Онфимыч»!

Концов презрительно скривил губы и сплюнул в бурьян. Как ни крепилась Наташа – а не удержалась «на дорожку».

– Извините, Павел Андреич, но паровозник из столбовых дворян сегодня отдыхают! Так что, берите то, что есть!

Концов – тоже «на дорожку» – игнорировал бестактный выпад, сунул руки в карманы и молча двинулся навстречу судьбе и её провожатому.

– Харламий Онфимыч? – обдало Наташу нескрываемым презрением.

– Вы – от Платон Ивановича? – почему-то нарушил конспирацию паровозник.

– Отвечать по форме!

Наташа со страхом подумала, что Концов поставит сейчас железнодорожника во фронт, и, не дай, Бог, выйдет с критическими замечаниями в челюсть. Но Концов в очередной раз изменил себе.

– Веди, «Харламий Онфимыч»!

Столько яда было в голосе Концова, что Наташа отказалась от намерения перекрестить его хотя бы в спину. Точнее, она перекрестила его – но только плевками. Не дожидаясь, пока фигуры скроются из виду, она резко повернулась и ушла.

Проходя мимо сторожевой будки, Концов зацепился за какую-то железяку, и, неловко взмахнув руками, рухнул в бурьян. При этом он ещё и умудрился растянуться во весь рост. Другой бы на его месте немедленно вскочил на ноги и удалился, не привлекая к себе внимания. Но Павел Андреич зафиксировал падение и вывернул голову в сторону торчащего у будки сторожа.

– Ну, чего уставился, старый хрен? Вместо того чтобы пялить глаза, расчистил бы площадку от мусора! Чуть ногу не сломал из-за тебя, гад!

– Ась?

Подслеповато щурясь, полуглухой старик приложил дрожащую руку к уху.

– Хрясь! – «не изменил такту» Концов. – Вали в будку, чучело!

– И Вам счастливого пути, господин хороший! – «попал в цвет» дедушка.

Несколько раз нога Концова соскальзывала со ступеньки паровозной лестницы. Не захотел он переобуться и сменить щегольские, на тонкой подошве юфтевые сапожки, на поношенные кирзачи.

– Руку подай, что ли... твою мать! – «вежливо» попросил он помощи у молодого парнишки, высунувшегося из двери паровоза. Совместными с Харлампий Онфимычем усилиями они втащили Концова в паровозное чрево. Шумно отдуваясь, паровоз медленно покотился по рельсам, и уже спустя минуту бригада сцепщиков производила его «смычку» с составом из нескольких отливающих лаком вагонов.

Вскоре на перроне появились четыре фигуры в офицерских мундирах. Три из них Концов узнал без труда: полковника Чуркина, капитана Усикова и ротмистра Дулина. Четвёртый, с погонами штабс-капитана, был ему не знаком. Но, судя по тому, как по-хозяйски он отдавал распоряжения солдатам с винтовками, занимавшим места на ступеньках вагонов, нетрудно было догадаться, что это – начальник охраны поезда.

Чуркин передал Усикову худосочный портфель. Офицеры обменялись рукопожатиями. Козырнув провозатым, Усиков направился к вагону. Следом за ним в вагон вошли двое солдат, ещё один расположился на ступеньках – и поезд медленно покотился по рельсам. Когда он набрал ход, Косоротов постучал в угольный ящик. Концову. Когда тот вылез, с инструкциями машинисту пришлось повременить: «слово» взял Концов.

И надолго. На тему «прелестей» транспортировки живого тела в угольном ящике. И лишь после настал черёд машиниста.

– Значит, так.

Косоротов проиллюстрировал текст мазутом по носу.

– Минут за пять до входа в тоннель я дам протяжный гудок – так, как мы обычно делаем при виде опасности. Вы выберетесь отсюда через окно на крышу – и далее по крышам к вагону номер... тьфу ты... забыл... к какому вагону, Федька?

– К четвёртому, Харлампий Онфимыч!

Парнишка энергично совместил обязанности суфлёра с обязанностями помощника машиниста и кочегара.

– Точно: к четвёртому! Вот. Пока я буду гудеть, Вы залезете в окно четвёртого вагона, и сделаете своё дело. Понятно?

– Не бином Ньютона! – не изменил себе Концов.

– Чего?

Косоротов явно был не знаком с Ньютоном и «тем, что стояло впереди него».

– За дорогой следи, «чего»! Это по-иностранному: «понятно»! Уразумел?

– А-а-а!

И Косоротов многозначительно покосился на помощника: видал, мол.

Концов высунулся из дверей, но его тут же обдало такой порцией сажи, что он мгновенно ретировался, сопровождая телодвижения очередной тирадой.

– Сколько до туннеля?

Ему стало скучно: занятые работой паровозники словно забыли о его существовании. Шустро орудующий лопатой Федька оглянулся на голос.

– Да Вы пока отдыхайте, дяденька: далеко ещё!

«Отдыхайте»! Так «отдыхать» Концов не умел. Для полноценного отдыха ему требовалось много, чего: много водки, много денег, много любви. Но разве эти мужланы могли понять страдания утончённой души?!

Концов пристроился в углу, под какой-то железякой, и с горя задремал. Разбудил его торопливый шёпот помощника машиниста.

– Дяденька, вставайте: скоро тоннель!

Утерев лицо грязной ладонью, Концов с хрустом потянулся, разминая затёкшие члены.

– ???

Это он запросил Косоротова. Тот, в свою очередь, запросил часы.

– Пора!

Машинист потянулся к рукоятке звукового сигнала – и раздался такой вой, что Концов сыграл в ящик. В угольный. Чисто рефлекторно. Но долго «играть» не пришлось: Федька, следящий из открытых дверей за вагонами, уже обращался к пассажиру всей мощью своего пролетарского недоумения.

– Почему-то не видно никого! Куда все подевались?

Концов артистично посуровел лицом, и рывком встал на ноги.

– Всё, я больше ждать не могу! – с миной неисправимого ковбоя объявил он. – Пошёл!

Но прежде, чем он «пошёл», и Федька, и Харлампий Онфимыч приложили немало усилий для того, чтобы выпихнуть раздобревшее тело «героя» из окна на крышу. На крыше Концов почувствовал себя ещё более неуютно, чем в угольном ящике. Дул холодный, пронизывающий насквозь, ветер. От мощных выбросов дыма и копоти нечем было дышать. Пижонские сапоги, то и дело, норовили соскользнуть с гладкой поверхности вагонов. Где как: то короткими перебежками, то ползком на карачках, а то и вовсе на брюхе, непрерывно изрыгая маты «повышенной этажности», Концов добрался до четвёртого вагона. Помянув и Бога, и чёрта, он завис над окном.

Окно было открыто: Усиков всегда был демонстративным сторонником здорового образа жизни, особенно на подпитии и с похмелья. Зацепившись за какой-то выступ, Концов подтянулся из последних сил – и заглянул в купе. Зрелище немедленно исполнило его оптимизма. Усиков валялся на полу, в нательной рубашке, галифе и без сапог. Две лужицы – одна в районе головы, а вторая – чуть ниже живота, наглядно свидетельствовали о том, что посланец Кобылевского постарался максимально облегчить работу похитителю Концову.

Ощувив небывалый прилив энергии во всех членах – а не только в одном, как обычно – Концов одним махом забросил себя в купе. По пути, к своему удивлению, он ударился «всего лишь» о четыре угла оконного проёма. Местом посадки оказался столик. В силу этого посадка была не мягкой и шумной. Но Усиков и не пошевелился. Старательно обходя лужи, Концов добрался до кителя. По счастью, Усиков снял китель ещё «до потери пульса».

Заперев дверь купе на замок, Павел Андреич, сантиметр за сантиметром, ошупал китель. Пакета не было. Концов побледнел, и привалился к двери. Лоб его должен был покрыться испариной – и он нею покрылся. Но мозги Концова отработали вовремя. На сушку.

– Мудак долбанный! – радостно аттестовал себя Павел Андреич. – Наташка же говорила, что письмо – в портфеле! Как я мог забыть?! Всё – спешка проклятая!

Портфель стоял на полке для багажа. Михаил Николаевич не зря говорил о том, что для Концова открыть такой замок – плёвое дело. Концов так и сделал: плюнул – и открыл. Гвоздиком из стены: по сюжету он просто обязан был там находиться. Ну, как тот рояль в кустах. Остальное было делом техники. Одним движением руки опозорив замок и чемоданных дел мастера, Концов извлёк пакет. С виду тот оказался таким, каким он его себе и представлял – со слов Наташи: большим по размеру и худым на ощупь. Пять сургучных печатей стояли на страже его нутра.

Концов ошупал печати дрожащими пальцами: инструментов «для приготовления глинтвейна» в купе явно не было. И всё же его осенило. Потому, что не могло не осенить. По всё той же причине: по сюжету.

– Нет, кое-что из того опыта пригодится!

Взяв пакет, Концов подошёл к распростёртому телу Усикова. Тело не подавало признаков – зато издавало звуки и запахи. Вот когда Павел Андреич оценил достоинства промасленной робы: она превосходно отбивала чужие запахи своими. Приподняв капитана, Концов для начала убедился в том, что лужа достаточно глубока для работы. Судя по площади «водоёма»,

Усиков «сходил под себя» не единожды. Отключив обоняние, Концов опустил конверт в лужу. Вскоре пакет так напитался влагой, что отлепить печати от отсыревшей бумаги не составляло уже труда. Вынув почти сухое письмо Кобылевского, Концов, не читая, сунул его в карман тужурки – и совершил подлог.

Ничуть не заботясь о печатях, Павел Андреич вытер пакет о галифе Усикова и положил на край лужицы. Картина происшествия была налицо. Не остаться довольным результатами такой работы было нельзя – и Концов не остался. Правда, не надолго: помешал надсадный рёв паровозного гудка. Косоротов, вероятно, уже набил мозоль на ладони, «вызывая» «героя».

Концов глянул на окно, потом задрал голову вверх, и вздохнул: возвращаться на крышу ему совсем не хотелось. Душа требовала иного: либо комфорта, либо подвига.

Открыв дверь купе, он выглянул в коридор. В поле его зрения сразу попал одиноко лежавший на полу босоногий мужик в нательной рубашке и офицерских галифе. На всякий случай, Концов громко хлопнул дверью. Тело проигнорировало звуки. Теперь можно было и осмелеть. Насвистывая «Девчоночку Надю», капитан переступил через тело, при беглом осмотре оказавшееся начальнику охраны, и вышел в тамбур.

Распахнув дверь, Концов полной грудью вдохнул аромат вечерней степи, угольной копоти и машинного масла. Поезд неспешно катил в гору. Не обращая внимания на хрип гудка, капитан перекрестился – и лихо сиганул с подножки.

Увы: героическим оказался только полёт. Героического приземления не получилось. В темноте Концов не разглядел места приземления. В результате он угодил на щебёнку, солидно приложившись физиономией об её острые углы. При этом он ещё и сумел разодрать до крови ладони, а также приобрести несколько ссадин и синяков на прочих, менее заметных частях тела.

Отлежавшись в придорожных кустах, Концов стал обдумывать ситуацию. О том, чтобы сегодня вернуться в Харьков, не было и речи: поезд увёз его далеко от города. Теперь надо было думать лишь о том, как бы поскорее оказаться на службе. Пеший вариант исключался: «на себе» Концов, разбитый физически и духовно, передвигаться не мог. Вариант гужевого транспорта выглядел лучше только на первый взгляд. На второй он уже так не выглядел: на телеге далеко не уедешь. А ещё по закону подлости обязательно встретишь кого-нибудь из знакомых. Ненужное паблисити было бы обеспечено.

И тут послышался стук вагонных колёс. Концов почему-то сразу решил, что поезд идёт не из Харькова, а в Харьков. Скорее всего, потому, что ему очень хотелось этого. И чудо произошло! Хотя, чему удивляться: если, уж, в купе оказался гвоздик, то почему бы какому-нибудь составу не оказаться в нужное время и в нужном месте? Многообразные проявления «рояля в кустах» для искателей приключений никто не отменял!

Это был небольшой товарный состав, и в самом деле следовавший в Харьков. На одной из его открытых платформ Концов, продрогший до костей и прокуренный до черноты паровозным дымом, и добрался до города. Случилось это уже на другой день, ближе к обеду.

Огородами и задворками Концов прокрался к дому Наташи, и тихо стукнул в дверь... самим собой...

Глава третья

Наташа не сразу признала в этом грязном, в кровоподтёках и ссадинах железнодорожнике всегда лощёного и наглого капитана. Поэтому

с текстом она смогла выйти лишь после опознания.

– Боже мой! Это – Вы?!

Не имея сил для традиционного хамства, Концов молча уронил голову на грудь.

– Вам нужно принять ванну – и немедленно!

Прислонив капитана к стене, Наташа кинулась к печи – греть воду для героя. На середине пути её ударило мыслью.

– Всё в порядке, Павел Андреич?

– Кой чёрт, в порядке...

Иных «подробностей» «выдавить из себя Концов не смог. Помня, что «богатыря» надо сперва в баньке помыть, напоить, накормить, а уж потом приступать с расспросами, Наташа взялась за колун...

Через час, свежeweымытый, с вымазанным зелёной лицом, Концовпил водку и, кривясь от боли, пережёвывал нетрудоспособными челюстями сочащийся кровью бифштекс. Но рассказ его уже изобиловал такими героическими подробностями, что у Наташи не повернулся язык отругать капитана «за небольшое опоздание». Она лишь мягко, почти по-родственному, пожурила его. Да и могла ли она поступить иначе, если многочисленные ссадины, синяки и кровоподтёки Павел Андреич объяснил тем, что вынужден был, разбрасывая внезапно нагрянувших охранников, прыгать с поезда на ходу, когда вдогонку ему уже летели пули и гранаты! «По пути» Концов хотел застенчиво признаться в том, что «лично застрелил пять или десять человек» – но вовремя вспомнил, что был без оружия. Да и связной ничего не стоило проверить его показания».

До сознания потрясённой Наташи даже не сразу дошло, что в таком виде Концов появиться в штабе не может. Не может, несмотря на устойчивую репутацию драчуна и скандалиста. Никаких драк с его участием за прошедшие трое суток ни в одном из питейных заведений города зарегистрировано не было.

Однако, мысль, не пришедшая к Наташе, пришла к её партнёру – деловому и половому. «Нумизмат» сразу же понял, что «героизм» Концова может обернуться неприятностями не только для самого «героя», но и для всех остальных членов шпионского сообщества. В том числе – и для его ненаглядной Наташи, без которой он уже не представлял себе дальнейшей жизни. Главным образом – половой.

Поэтому, вскоре после того, как Концов уснул, «Нумизмат» быстро собрался и отправился на встречу с Михаилом Николаевичем. Вариант номер три предусматривал возможность экстренной связи. Платон Иваныч не сомневался в том, что на этот раз выговора за нарушение конспирации не будет. И не ошибся: ждaть штабс-капитана не пришлось.

– Ну? – выдохнул Михаил Николаевич.

«Нумизмат» не стал терзать соратника вступлением, и за пару минут пересказал ему весь разговор Наташи и Концова. Услышав о временной нетрудоспособности капитана, Михаил Николаевич неконспиративно побледнел.

– Кой чёрт понёс его прыгать на ходу? Вы разве не инструктировали его о том, что Косоротов остановит состав на ближайшем к Харькову полустанке, где наш отважный герой и сойдёт с поезда? Сойдёт – а не спрыгнет?!

– Инструктировали!

«Нумизмат» клятвенно заверил шефа не только словом, но и делом. Взглядом и жестом, то есть.

– Конечно, инструктировали! Но этот тип сказал, что он напоролся на охранников, вынужден был отбиваться – вот и сиганул с поезда!

– Нет, чёрного кобеля не отмоешь добела!

Словно иллюстрируя беспомощность, штабс-капитан развёл руками. Правда, на этот раз – строго в рамках конспирации.

– Мог же воспользоваться крышей, как все нормальные люди! Так, нет: подавай ему приключения! Ещё врёт, что на охранников напоролся! Врёт ведь?

– Врёт, конечно!

Платон Иванович не собирался не только возражать, но даже медлить с подтверждением. Исключительно «по причине симпатии» к капитану. Домогательства к подруге также принимались во внимание.

– Но, поди, теперь, проверь! Да и Вы же знаете Концова! Когда

Наташа задала ему этот вопрос – ну, почему он нарушил инструкцию – наш герой ответил, что все нормальные люди выходят в двери! Представляете себе?!

Платон Иванович лишь мгновение помедлил с резолюцией.

– Нет, он не кобель... не в смысле: «чёрный». Он – хамло!

Михаил Николаевич тактично не стал вступать в дискуссию: с одной стороны – свой брат-офицер, с другой – железные доводы штафирки. Да и пора уже было начинать выручать коллегу из беды – пусть сам он и был её эксклюзивным творцом.

– Да уж, удружил нам капитан, нечего сказать... Что будем делать? Судя по Вашим словам, его неделю ещё нельзя будет показывать?

– Лично видел его рожу! – совсем не огорчился Платон Иванович. – Высокохудожественная работа, доложу я Вам!

– Набить бы ему морду за такие дела! – не выдержал штабс-капитан: и стальные нервы имеют свойство рваться. – В порядочном обществе так и делают, потому, что...

Михаил Николаевич застыл с открытым ртом.

– ???

Платон Иванович открыл свой.

– Морду набить...

Штабс-капитан озвучил текст с расширенными, «под кокаиниста», зрачками.

– Мысль, конечно, хорошая...

Платон Иванович ничего не имел против учинения Концову небольшого – и даже большого – мордобития.

– Но что это нам даёт сейчас, когда...

Закончить фразу ему не удалось.

– Концову нужно набить морду! – просиял Михаил Николаевич. – Прилюдно! И лучше всего у ресторана «Парадиз», где этот «фулюган» так любит размахивать кулаками!

Платон Иванович недолго изумлялся. Потому, что быстро понял. Понял – и восторгнулся.

– «И дождь смывает все следы», как сказал один товарищ?! Шикарный план, Михаил Николаевич! Гениально!

– Ну, так уж...

Но чересчур активно возражать против такой «квалификации своей квалификации» Михаил Николаевич не стал.

– Давайте обсудим детали предстоящей операции... операции «Мордобой»! Конечно, Ваш вариант – благозвучнее, но...

– «Мордобой» – вполне приличное название!

«Нумизмат» без колебаний отрёкся от своего предложения.

– Благодарю за доверие, Платон Иванович!

Штабс-капитан с чувством пожал руку коллеге.

– Тогда сделаем так. Наташа оденется понаряднее, и будет прогуливаться у входа в «Парадиз». А так как девушка она – весомых достоинств, то долго прогуливаться в одиночестве ей не придётся. Когда какой-нибудь подгулявший купчишка, а лучше – какой-нибудь молодчик из числа прожигателей жизни, а ещё лучше – группа молодчиков, начнут к ней приставать – а они обязательно начнут это делать, то... Что с Вами, Платон Иваныч?

Михаил Николаевич успел подхватить «Нумизмата» уже на пути к земле.

– Что случилось?

«Нумизмат» медленно открыл глаза.

– А нельзя без Наташи? – жалобно простонал он.

– ???

Михаил Николаевич был прав: какая же это брачная ночь – без невесты?!

– Боюсь я за неё!

Но и Платон Иваныч тоже был прав. По-своему. И больше не «за неё», а за себя.

– А что с ней может случиться? Бить то будут не её, а Концова!

Было ясно, что Михаил Николаевич ещё «не проникся». Всё ещё находясь в объятиях штабс-капитана, «Нумизмат» издал протяжный стон.

– Я – не о том... Вот Вы говорите: какой-нибудь купчишка, а лучше – какой-нибудь молодчик, а ещё лучше – толпа молодчиков...

– Конечно!

Штабс-капитан энергично удивился такому комбинированному «пониманию-непониманию».

– Чем больше их будет, и чем сильнее они будут – тем крепче достанется Концову! А чем крепче ему достанется, тем надёжнее будут прикрыты его относительно старые синяки абсолютно новыми!

Скрив лицо, «Нумизмат» помассировал область сердца.

– Разве я – против? Да пусть из рожи Концова хоть отбивную сделают – я это только приветствую! Раз для пользы дела! И вообще!..

Михаил Николаевич как-то сразу догадался о содержимом этого «вообще»: пожелание «всяческих благ» Концову за его выходки в отношении как лично Платон Иваныча, так и его Наташи.

– Но ведь эти купчишки и молодчики начнут приставать к Наташе!

Это восклицание сквозь слёзы было уже лишним: «Нумизмат» так долго шёл к признанию, что Михаил Николаевич успел его «обогнать».

Но пока он не спешил открываться, дабы не травмировать неосторожной мимикой ревнивого старика. Понимание следовало давать частями.

– Ну, правильно: так и надо! Они начнут приставать, Концов бросится на защиту чести дамы – ну, и сполна получит то, что и так давно уже заслужил!

– А если они... это... ну...

«Нумизмат» замолчал, подбирая наиболее корректное слово для определения действий молодчиков.

– Ну... надругаются, что ли...

– Вы бы сказали ещё: «изнасильничают»! – хмыкнул Михаил Николаевич.

– А разве не может такое случиться?

Платон Иваныч квалифицированно упал головой и духом.

– У ресторана?! В центре города?!

Михаил Николаевич щедро полил старика смесью из укора и иронии. Но даже и «под соусом» «Нумизмат» всхлипнул.

– А если кто-нибудь из них понравится Наташе? Она ведь у меня такая молодая... такая красивая... такая нестойкая!

Штабс-капитан стиснул зубы и напряг лицевые мускулы. Нужно было удержаться от мимической неадекватности – хотя бы из последних сил.

– Ну, что Вы, Платон Иванович? Вы уж чересчур... Уверяю Вас, ничего с Вашей Наташей не случится!

– А...

– А Концов, – как-то сразу догадался штабс-капитан, – сейчас физически не в состоянии заняться Наташей!

«Нумизмат» закрыл рот: надобность в вопросе отпала. По причине ответа. Но отступить он был явно не намерен, о чём свидетельствовало его нерешительное топтание на месте.

– А, может... это... как его... ... послать другого... кого-нибудь... ну... вместо Наташи?... А?..

– Кого? – не удержался Михаил Николаевич – ни от иронии, ни от «догадки». – Или у нас тут женщин – батальон, как у охраны Зимнего? Но даже не это – главное: капитан не бросится на защиту, абы кого.

Не засылать же нам дочь какого-нибудь железнодорожника из числа Ваших знакомых! Защита такой «жертвы нападения неизвестных» сразу же уронит авторитет Концова в глазах всего офицерства! Нет, Платон Иванович: нужен товар! И товар – лицом и с лицом!

«Нумизмат» пошатнулся: крыть было нечем – только Наташей.

Удовлетворённый результатом, Михаил Николаевич щёлкнул крышкой брегета – и «телеграфировал» приказ:

– Так что, как говорится, «давайте не будем, гражданин!». Ступайте домой. Подготовьте Наташу. В двадцать два ноль-ноль быть на исходной позиции! Обоим: и ей, и Концову! Концову начать действовать по крику Наташи: «Что вы делаете? На помощь!» Не забудьте проинструктировать Концова о том, что, прежде чем начать махать кулаками, он должен крикнуть, как можно громче: «Негодяи! Оставьте девушку в покое!»! Ну, или что-нибудь в этом роде. Главное: создать достоверный предлог для последующего мордобоя! Дальше: когда Концова начнут бить – и бить основательно, не раньше – Наташа должна вбежать в помещение ресторана, и крикнуть: «Господа, там, на углу, напали на офицера!» Так как в это время в ресторане уже – дым коромыслом, все офицеры немедленно ринутся на улицу для завершения программы вечера. В этой суматохе Наташе не составит труда незаметно исчезнуть.

Михаил Николаевич скосил глаз на «Нумизмата»: даже установка на исчезновение Наташи не пробудила в нём энтузиазма.

– Когда офицеры раскидают эту шпану, и спросят Концова, что случилось, Павел Андреич, как бы трудно ни было ему шевелить сломанными челюстями, обязан доработать героем: «Ничего особенного, просто какие-то негодяи были невежливы с дамой!» Для полноты образа неплохо было бы периодически сплёвывать кровь и выбитые зубы.

Михаил Николаевич поморозил взглядом «Нумизмата».

– Всё запомнили?

Старик обречённо уронил голову. Пока – только на грудь.

– Тогда – с Богом!..

И штабс-капитан развернул коллегу в сторону дома...

Глава четвёртая

В двадцать один пятьдесят пять Концов занял исходную позицию в тёмном переулке дома напротив входа в ресторан. Отсюда вход был виден, как на ладони. Наташа должна была появиться с минуты на минуту. Концов заметно нервничал. Для убоя времени он решил закурить. Разбитые пальцы не слушались хозяина, поэтому он не сразу вытащил из мятой коробки «Эсмеральды» мятую же папиросу. Всё его тело ныло – и не от вожделения. Драться сегодня, не в пример остальным дням, совершенно не хотелось. Он взглянул на часы: двадцать два ноль-ноль!

– Пора!

Концов выглянул из-за угла. Наташи на месте почему-то не было.

– Что за чёрт?! – не поверил глазам Павел Андреич. Непредвиденный поворот сюжета заставил его нырнуть обратно в спасительную тень переулка.

«Может, всё ещё дома прихорашивается, зараза? Ну, это ещё ничего: до закрытия ресторана время есть. А, может, она уже в ресторане, с каким-нибудь понравившимся кавалером? А что такого: успела проскочить до моего выхода на позицию. А может, она уже не в ресторане, а в номерах? А, что, тут такого: в кои-то веки девка вырвалась на свободу?».

Мысль Концова покатила по наезженной колее. Человеческие слабости были близки ему, как никому другому. «Все мы немощны, ибо человеци суть!». Вот и судил он обо всём с позиций реализма. Правда, некоторые определяют это иначе: «в меру собственной испорченности».

Концов со злостью выплюнул окурочок.

– Где же ты бродишь, моя дорогая, мать твою так?

Только напрасно Павел Андреич «трактовал» Наталью Николаовну. Не знал он того, что «отеллоподобный» «Нумизмат» в последний момент решил, таки, воспрепятствовать участию возлюбленной в операции. Поэтому он сказал Наташе, что ему нужно срочно встретиться с деловым партнёром – и «по забывчивости» добавил к своему ключу от входной двери и её. Платон Иваныч искренне рассчитывал на то, что «этот фулюган» и без помощи Наташи учинит драку: в первый раз, что ли?

Наташа, естественно, и не подозревала о таком коварстве возлюбленного. Нарядившаяся в своё лучшее платье и шляпку с вуалью, она с половины десятого безуспешно колотила маленькими кулачками по запертой двери. Но дверь была дубовой и запертой – и с десятым ударом старинных напольных часов Наташа упала. Духом и на пол.

– Боже, что же теперь будет?!

...Ничего этого Концов не знал. Но он знал главное: минута пришла одна – без Наташи. Минута действия. Нужно было немедленно спасти лицо. Своё собственное. И единственным средством спасти лицо было подвергнуть его немедленному же мордобою.

Концов с тревогой наблюдал за тем, как из ресторана потянулись гуляки – вначале поодиночке, а затем и компаниями, с каждой минутой всё более многочисленными. По этой причине тревожил уже не только исход спарринг-партнёров, но и исход предстоящего боя.

«С тремя-четырьмя я управлюсь без проблем, – дрогнул в душе Павел Андреич. – С пятью-шестью – вряд ли, но побьют несильно. А вот с толпой в дюжину мужичков мне и с кистенём не справиться!»

– Побьют!

Павел Андреич с невыразимой тоской оглядел свои, такие ещё, минималистские и вполне добропорядочные ссадины.

– Ох, побьют!

Но синяки надо было ещё заработать: мотивированно спровоцировать избиение. А мотивов, как раз, и не находилось. На улице, ярко освещённой ресторанными огнями, как назло, не наблюдалось ни одной особы женского пола!

– Господи, ну, хоть бы одна блядь появилась! – взмолился Концов.

И Господь услышал его: одна появилась! И именно блядь! Даже издали в вульгарно раскачивающей бёдрами мадмуазель Концов без труда узнал Софи. Это была девица из свежего пополнения князя Ослоева. Её искусство Павел Андреич уже имел возможность оценить по достоинству.

– А теперь бы ещё и подвыпившую компанию! Господи, ну, сделай такое чудо!

И Господь, тяготеющий более к грешникам, чем к праведникам, откликнулся и на этот раз: из ресторана, один за другим, повалили здоровенные бугаи.

– Один... два... три...

С округлившимися глазами Концов почти беззвучно шевелил губами, осуществляя подсчёт своих будущих истязателей.

– ... восемь... десять... двенадцать... Двенадцать!

Ну, как тут было не схватиться за голову! И капитан схватился.

– За что, Господи?! Я не заслужил такой щедрости!

Но Господь молчал: он уже работал с другими просителями. Да и капитану грех было привередничать: и блядь получил, и подходящую компанию. Да ещё – в нужный момент.

Оглядев свои кулаки, Концов обречённо вздохнул. Но времени на некролог по себе уже не оставалось: мужички начали «клеить» девицу.

Запятовав «легенду», с воплем «Мать вашу, она – не ваша!», капитан пересёк улицу, и, развернув за шиворот одного из молодцов, одним ударом сшиб ничего не подозревавшего мужичка с ног. Такая же участь постигла и оторопевших второго и третьего: что-что – а драться Павел Андреич умел!

Но то, чего не смогли или не успели сделать первые трое молодцов, смогли и успели сделать остальные. Вскоре их кулаки заработали по капитану – и капитан «заработал». Ох, как «заработал»: даже охнуть не дали! Вскоре Павел Андреич присоединился к валявшимся на земле пяти или шести телам своих оппонентов. Теперь он защищал только главный рабочий орган. Не голову, конечно.

Испуганная проститутка вначале прижалась к стене, затем взвигнула от страха, и инстинктивно метнулась в первое попавшееся на пути укрытие. Таковым, на её счастье – а больше на счастье Павла Андреича – оказалась дверь ресторана.

– Там, – она махнула рукой за дверь, – какие-то пьяницы бьют адъютанта командующего!

Роль Наташи была почти в точности исполнена случайной проституткой. Софи даже «пошла от себя»: запросила помощи не анонимному офицеру, а искусённому в любви клиенту.

Толпа офицеров с оглушительным рёвом ринулась из-за столов, ничуть не заботясь об их сохранности. Истязание Концова стремительно перешло в истязание его истязателей, которые вскоре составили ему компанию на земле.

– Что случилось, Павел Андреич?

Сквозь «вату в ушах» к Концову пробился нетрезвый, но всё равно знакомый голос собутельника. Несмотря на побои, Концов не ошибся ни разу. Во-первых, голос был нетрезвым. Во-вторых, он был знакомым. И, в-третьих, он действительно принадлежал собутельнику – ротмистру Дулину.

Но дать ответ «по легенде» Павел Андреич оказался не в состоянии: мешала каша во рту. Из зубов и сгустков крови. Естественно, ротмистр не разобрал – и зашёл на второй круг.

– Ничего особенного, р-р-ротмистр-р-р...

Капитан, наконец, сумел выдать из себя рекомендованный текст – вместе с «кашей», которую он сплёвывал не столько на землю, сколько на мундир.

...Просто какие-то негодяи...

– ... Были невежливы с дамой? – догадался ротмистр.

Павел Андреич молча уронил голову на грудь. «По пути» он успел дать «координаты» дамы, всхлипывающей у дверей ресторана.

– Ну, это совсем другое дело!

Дулин, сам пользователь услуг «мадмуазель Софи», безоговорочно встал на сторону капитана. «Мадмуазель» была «достоянием» исключительно офицерского состава. Штафирки к её «эксклюзивному» телу не допускались.

– Покушаться на наших женщин?! Да за это не только морду набить – жопу надрать стоило!

Наутро Концов проснулся героем – в гипсе и бинтах. В это же время Михаил Николаевич встретился с «Нумизматом». От Дулина он уже знал все подробности ресторанный инцидента. Даже те, которых не существовало в природе: рассказчик давал авторскую редакцию событий. В ней Павел Андреич предстал Атлантом, а сам Дулин – Гераклом.

– Как Вы могли так грубо нарушить приказ? – «приветствовал» «Нумизмата» Михаил Николаевич. – За это Вас следовало бы...

– Расстрелять?

В голосе «Нумизмата» промелькнула надежда.

– Нет: лишить бизнеса на деньги ЧК!

– Только не это!

У старика подкосились ноги и отвисла челюсть.

– Своим подлым поступком – да что, там, поступком: преступлением! – Вы поставили всех нас на грань провала! Всех, в том числе и свою ненаглядную!

Утомившись поедать старика глазами, Михаил Николаевич перешёл к сокрушению. Сокрушился головой, то есть.

– Нет, ну, как Вы могли так поступить?! Какие бы претензии Вы ни имели к Концову, каким бы раздолбаем он ни был – но он наш боевой товарищ! Наш! Мой! Ваш! Наташин!

«Нумизмат», конечно, не хотел бы видеть Концова товарищем Наташи – даже боевым, но перечить шефу не посмел. Поэтому он, как уронил голову – так больше её и не поднимал.

– Нет, ну надо же! – не унимался Михаил Николаевич. – Интеллигентный человек, состоятельный, пожилой – и вдруг такое паскудство! Так «подставить» товарища – пусть даже лично Вам он и не товарищ! Свинство, какое! Это не Вам – это всем нам бесчестие! Набить бы Вам за это морду, любезный!

В глазах «любезного» опять мелькнул проблеск надежды.

– Нет, это буду не я! – мстительно усмехнулся штабс-капитан.

Проблеск сразу же перестал мелькать. Зато мстительности в глазах штабс-капитана при- было.

– Вы правильно меня поняли! Я просто доведу об этом до сведения одного человека!

– ???

– Да-да, его самого: капитана!

От таких слов «Нумизмат» не мог не упасть на колени – и он упал на них.

– Только не это! Всё, что угодно – но только не это! Я сейчас!.. Сейчас!..

С этими словами он полез во внутренний карман пиджака, и с третьей попытки извлёк оттуда внушительных размеров пакет.

– Вот!

– Что это?

Михаил Николаевич взвесил на ладони упаковку. Вес сподвигнул его на уважительный хмык.

– Деньги!

«Нумизмат» зачем-то огляделся по сторонам. Наверно, для создания пакета соответствующего «интерьера». Или для придания его весу «дополнительного веса».

– Так сказать... ну... на оперативные расходы.

– Что?! Что Вы сказали?!

Михаил Николаевич выгнул грудь и брови. И то, и другое – дугой. По сюжету он не мог не встать в позу. В позу оскорблённого благородства. Разумеется, и текст должен был соответствовать позе. Он ей и соответствовал.

– Да понимаете ли Вы, что оскорбляете дворянина и офицера?

– Конечно, конечно!

Кажется, Платон Иваныч понял не только это, но и всё остальное – Вот и полез опять в карман. Исправлять ошибку и заглаживать вину. Спустя мгновение в другой руке Михаила Николаевича лежал свёрток ещё более увесистый, нежели первый. Теперь у штабс-капитана было значительно меньше оснований для демонстрации позы. Фундамент под оскорблённым благородством должен был пошатнуться.

– Здесь – ваше полугодовое жалование!

«Нумизмат» скосил глаз на конверты.

– То есть, я хотел сказать, что это – премия в размере Вашего полугодового жалования...

То есть, я хотел сказать...

– Как это некрасиво, Платон Иваныч!

Штабс-капитан всё же «поскрёб по сусекам».

– Получается, Вы откупаетесь за кровь несчастного Концова!

– Получается, – покорно согласился «Нумизмат».

– И кто же Вы после этого?!

– ...

– Позор!

И Михаил Николаевич ловко рассовал пакеты по карманам галифе. Своего, разумеется. Определять «новый облик» Платон Иваныча он воздержался.

– Ладно. Будем считать инцидент исчерпанным. А Концову...

– ??? – обмер Платон Иваныч.

– ... А Концову Наташа пусть скажет, что у неё внезапно начались месячные. У неё ещё нет задержки?

Бледное лицо «Нумизмата» порозовело. Штабс-капитан тактично не стал развивать тему. После двух конвертов можно было и снизойти к старику.

– Ну, если не годится это объяснение, придумайте другое. Но желательно – тоже медицинское. Например, сердечный приступ. Или живот схватило – как у хренов... как у солдата перед боем... Ну, или пусть ей внезапно стало дурно!

– Не поверит же, – упал духом Платон Иваныч.

– «Не поверит»! А Вы ему справку покажите! Сможете достать справку?

– ???

«Нумизмат» даже оскорбился бестактностью вопроса.

– Вопрос снимается! – поднял руки вверх Михаил Николаевич. – Но имейте в виду, дорогой Платон Иваныч...

Пауза. Специально для того, чтобы поставить «Нумизмата» во фронт. Даже – на коленях.

– ... Вы теперь у меня – на крючке! Ещё один такой фортель – и никакие деньги Вам не помогут! Деньги – это, конечно... деньги. Но, entschuldigen Sie, aber шкура дороже! Вы меня поняли?

– ... – понял «Нумизмат». Носом.

– Вы свободны.

«Нумизмат» боднул головой – и поднялся с коленей.

В педагогических целях воздержавшись от adieu, Михаил Николаевич повернулся к нему спиной, и отправился в штаб, где уже с утра начали чествовать Концова.

Виновник торжества, весь в зелёнке, бинтах и гипсе, по причине увечий принимал лишь пассивное участие в мероприятиях. Опираясь на костыли – на костылях-то изрядно – он всего лишь пытался тянуть в улыбке распухшие губы. Ни о каком ином участии не могло быть и речи. И это больше всего удручало капитана: видеть, как пьют другие, было для него сущей пыткой.

Несколько подняло его настроение появление в приёмной, где и развернулись основные торжества, командующего армией. Его превосходительство лично возгласил тост за здоровье доблестного адъютанта – и даже намекнул на какие-то перемены в жизни того по служебной линии. Правда, не очень внятно намекнул: Вадим Зиновьевич ещё не совсем отошли от вчерашнего... заседания.

Куда больше капитану поднял настроение увесистый пакет с премиальными от Натальи Николаевны, к которой Павел Андреич пришёл требовать сатисфакции. Пришёл, невзирая на страдания, причиняемые ему каждым шагом. Пакет доставил ему даже большее удовлетворение, чем то, которое уже была согласна дать Наташа. На радостях Павел Андреич даже не стал вдаваться в детали медицинского заключения, которое связная продемонстрировала ему почему-то издалека. Расстались соратники почти дружески.

Всё складывалось для Концова, как нельзя лучше: и маскировка «поездных ран», и подъём авторитета, и размер премиальных, и целых три дня безделья, предоставленные командующим для поправки здоровья! Одно лишь тревожило капитана: предстоящее объяснение с Татьяной. И не зря.

Не успели ещё закончиться торжества, как в штаб ворвалась Татьяна Чуркина. Сказать, что она была разгневана – значило бы не сказать ничего. Сейчас это была сущая фурия, или же гарпия, или же, что ближе к истине, обе эти «красавицы» вкупе.

– Ну-ка, выйдём в коридор, «герой»!

Временно утратив эластичность, Концов не успел спрятаться под стол – и был ухвачен за шиворот и волочён за двери. Там его, скачущего на костыле, беспардонно приложили к стене. Пока ещё – только спиной.

– Значит, Софи?!

Удар был нанесён сразу, в лоб. Хорошо ещё, что пока лишь словом. О возможности другого варианта наглядно свидетельствовала попытка Концова заслониться от возлюбленной загипсованной рукой.

– Ну, что ты, Танечка...

По причине бестактной дегероизации бесстрашный герой был жалок.

– ... Я только защищал... эту... как её... честь.

– Проститутки?

Таня аккуратно отвела от лица Концова загипсованную руку.

Капитан правильно расценил это движение – и закрыл брешь в обороне другой рукой. Той, которой опирался на костыль.

– Ну, ты скажешь, Таня!

Бодрой улыбки не получилось. Другой – тоже.

– Я, Танечка, свою честь... это... защищал.

Поскольку взгляд Татьяны непрерывно работал огнём, Концову пришлось «залечь в окопы». Ему было страшно: а вдруг возлюбленная подвергнет его избиению прямо по месту службы – да ещё в день вознесения на пьедестал?!

– Правильно боишься...

Если не в мыслях, то в глазах Татьяна читать умела.

– Честно говоря, следовало бы надавать тебе по морде!

«Так ведь надавали уже!» – возмутился Павел Андреич. Правда, сделал он это одними глазами – и то в пол. И правильно сделал: «собеседование» ещё не достигло апогея.

– Значит, меня одной уже не хватает? – перезарядила взгляд Татьяна. – На возмездную любовь потянуло?

– Ты всё превратно истолковываешь!

Концов хотел взмолиться ещё и конечностями, но не смог: был обездвижен Татьяной. От жестикуляции пришлось отказаться.

– Клянусь тебе, всё обстояло совсем не так, как тебе доложили!

– «Мне доложили»!

Судя по тому, как дёрнулся Концов у стены, любимая не промахнулась. Взглядом.

– Да ты же сам растрепал всему свету, что какие-то типы пытались перехватить у тебя эту шлюху! Разве не так? Что, Дулин всё это придумал?

Поблагодарив Дулина за трёп в штабе, Концов тут же пообещал ему рассчитаться за Татьяну. Но сейчас требовалось другое: срочно объяснить и объясниться. Для этого капитан нуждался не только в свободе слова, но и в свободе тела. Ни того, ни другого в наличии не было. А тут ещё подвели зоология с физикой: не учил ведь. Вот и не знал, что чем активнее жертва пытается высвободиться из удавчих объятий, тем сильнее удав сжимает кольца. Или – как в физике: сила действия вызывает равную ей силу противодействия. А в данном случае сила противодействия даже нарушала этот закон: сил у физически крепкой девушки оказалось больше, чем у мужчины-инвалида, пусть и временного. Татьяна Чуркина увлекалась ведь не водкой, а спортом. То есть, стороны изначально находились в неравном положении. Даже без физики с зоологией.

Концов понял, что надо менять подход.

– Танечка, родная, я тебе сейчас всё объясню! Эта девица тут совершенно ни при чём! То есть, не то, чтобы не при чём... То есть, я хотел сказать, что она оказалась там... ну, совершенно случайно! Просто шла мимо! И никакая она не моя дама – слушай больше этого болтуна Дулина!

Судя по выражению лица Татьяны, версия не проходила – и Концов решил.

– Я хочу признаться тебе...

– ... – обомлела Татьяна.

– Никакого подвига я не совершал!

– Фу, ты! – облегчённо выдохнула Татьяна: её мысли были «на другую тему». Вот теперь Павел Андреич мог слегка приободриться.

– Дело в том, Таня, что весь предыдущий день и всю предыдущую ночь я пил, не просыхая! Ты, наверно, уже в курсе, что меня два дня не было на службе?

Татьяна кивнула головой: она была в курсе. В курс её неоднократно ввели в штабе по причине её неоднократных же визитов туда. Пустующий стул адъютанта не встревожил штабных: капитан нередко уходил и в более продолжительные загулы.

У Пал Андреича ещё раз отлегло от сердца.

– Ну, вот. Как я, значит, «перебрал» – не помню даже, где и с кем – меня, естественно, потянуло на подвиги.

– Ну, естественно!

– Вот! А в жизни, сама знаешь, всегда есть место подвигу. И лучшее место для него – ресторан «Парадиз». Как я добрался до ресторана – не помню, да это и не суть важно. Помню лишь, что я уже хотел войти внутрь... ну, в поисках приключений. А тут из дверей вывалилось несколько хамов – прямо на меня! Естественно, состоялся краткий обмен мнениями – по поводу личностей друг друга. Слово за слово – и мы уже были просто обязаны перейти от слов к делу... Нет, кажется, я врезал без всяких слов! И пошло-поехало!

Концов мечтательно закатил глаза. Правда, закат был недолгим: мемуары шли не только в мажорной тональности.

– Но и на старуху, как говорится... М-да: не рассчитал! Ни своих сил, ни числа фулюганов. Их оказалось двенадцать – как апостолов у Христа, прости Господи! И все – на мою голову! Да ладно бы – только на голову – так ещё и на всё остальное! В общем, наподдали мне так, что мало не показалось!

Пытаясь вызвать сочувствие, Концов «ненароком» подчеркнул увечья. Но сочувствия вызвать не удалось. Пришлось опять идти, как по минному полю.

– И как раз в это время эта дура случайно...

– Случайно?! – не пожалела яда Татьяна.

– Клянусь тебе: совершенно случайно!

– А почему Дулин сказал, что в ресторане она вызывала подмогу не анониму, а адъютанту командующего?

– Ну, мать моя, ты даёшь! – с облегчением выдохнул Павел Андреич: клюнула, кажется! – Да кто в этом городе не знает старшего адъютанта Его превосходительства?! Ты что, хочешь меня обидеть? Ну, конечно же, этой девице кто-то показал меня в каком-нибудь присутственном месте!

– В ресторане: иных присутственных мест ты не знаешь!

Взгляд Татьяны опять стал «шерлокхолмсовским».

– Если, конечно, не считать заведений князя Ослоева.

Концов побледнел даже из-под зелёнки.

– За что, Татьяна?!

– Ладно, продолжай!

– За что, Татьяна?! – «продолжил» Концов.

– Я – не о том!

– Ах, да: виноват... Ну, так вот. Как только она завопила, все офицеры выскочили на улицу. Сама понимаешь, что тут началось и чем закончилось...

Из-под бинтов Концов стрельнул глазами по лицу возлюбленной. Подвижки, если и имелись на нём – то лишь в сторону ещё больших сомнений. И капитан «рванул из окопа»:

– И что мне оставалось делать?! Не мог же я признаться

Дулину, что сам нарвался на мордобой? Да меня бы потом извели насмешками! Представляешь, как бы упал мой авторитет – авторитет настоящего офицера: кутилы, картёжника, драчуна, ба...

– ???

Но второго шанса Концов любимой не дал.

– Бабой бы меня посчитали!

«Что: съела?!»

Вопрос удалился из глаз Татьяны.

– Ну, вот. Когда меня, значит, побили, стал я думать...

– Тебе всегда нужен стимул? – взяла реванш Татьяна.

– Ну, зачем ты так!.. Словом, выбора у меня не было...

Заслушав отчёт, Татьяна удручённо цыкнула губами.

– ???

«На какую тему?» – запросил «любимый».

– «Чёрного кобеля не отмоешь добела», – открытым текстом вышла Татьяна. Опровержение Концов не успел дать: продолжение следовало. – Но я тебя и отмывать не буду! Если до меня дойдёт хоть один слушок о твоих похождениях – знай: между нами всё кончено! «Досуг мне разбирать вины твои, щенок!»

– За что ты – так?!

– Это – не я, а Иван Андреич.

– ?

– Крылов.

– Из штаба?

–

Неадекватная реакция Татьяны Николаовны вызывалась исключительно пробелами в знакомстве с биографией Павла Андреича. Не сына действительного статского советника – а «того, другого». Концов был честен в своём невежестве. Он не читал ни басен, ни стихов. Не считая, конечно, «Гавририады», «Луки Мудишева» и «переложения „Евгения Онегина“ для народа».

Всё прочитав в глазах любимой, Концов «пошёл сдаваться».

– Танюша, родная...

Павел Андреич не только качественно дрогнул голосом, но и «где-то даже» блеснул слезой.

– ...клянусь тебе, что ничего... «такого» ты обо мне не услышишь... то есть, больше не услышишь...

Уточнение было существенным. И, уточняя, Концов рассчитывал не на непонимание, а на снисхождение.

– ... А, если, что и было – так это до нашего с тобой знакомства!

Концов соврал – и соврал нагло. Правда, не моргнуть при этом глазом не получилось. Но моргал глаз исключительно по причине чувств.

– А сейчас я чист перед тобой, как херувим!

Таня устало махнула рукой. На всё – и на вопрос веры, в частности.

– Будет врать-то, «херувим»!

Концов не успел просиять, как попал под душ:

– Но я тебя предупредила!..

«На дорожку» Татьяна критическим взглядом окинула «любимого», большей частью надёжно изолированного гипсом и бинтами от её взглядов и рук.

– Да, не скоро, видно, ты будешь трудоспособен, – отскорбела Татьяна. По себе. – Не скоро. Великий пост ожидает меня... Ладно, уж, пошли, горе ты моё...

В сопровождении любимой Павел Андреич покинул штаб, и заковылял к поджидавшему его «линкольну». Доставив Татьяну к одной из её многочисленных подруг, он отправился домой – отлёживаться и восстанавливать физические кондиции. По дороге он прикупил к имеющемуся запасу ещё полдюжины коньяка: лечиться – так лечиться...

Глава пятая

Усиков проснулся от пронизывающего холода. В купе было темно. За окном поблёскивала яркими звёздами безмолвная украинская ночь.

«Где я?».

Стандартный «набор алкоголика» уже вертелся на языке капитана, но настойчивый стук вагонных колёс своим ответом предупредил невысказанный вопрос. Потянув носом, Виктор Терентьич услышал запахи – и явно не украинской степи. Он с трудом приподнялся – и сразу же ощутил сырость под собой. Так отсыреть по причине открытого окна он не мог. Требовалось немедленно установить источник течи – и он потянулся к выключателю.

– Мать твою!

В тусклом свете купейной лампочки проглянули «детали интерьера». Но не мокрые галифе поразили капитана: чай, не впервые. Куда больше его впечатлило зрелище пакета, лежащего «на берегу лужи». Сверху «на одну вторую площади» тот был удобрен содержимым его желудка.

– Как это здесь оказалось?!

Усикову очень хотелось выдать «это» за пьяный бред, но «оно» не выдавалось. Старательно отводя лицо в сторону, он кончиками пальцев приподнял «это».

– Боже мой!

«Характеристика» относилась не только к внешнему виду пакета, но к амбре, расточаемому им. Стремительно трезвея, Усиков был уже способен констатировать наличие «проблем» не только у пакета, но в связи с этим – и у себя. А в последнем случае – ещё и перспектив роста. Проблем.

Пьяно шатаясь от трезвых мыслей, Усиков отправился на поиски людей – в лице проводника. Маршрут его пролегал по бесчувственному телу начальника охраны – его вчерашнего собутыльника. Или одного из них: детали Усиков помнил плохо. Проследовав – по телу штабс-капитана – дальше, Усиков стал барабанить кулаками во все двери подряд.

Подняв и проводника, и солдат охраны, капитан заявил о том, что какие-то негодяи «в его отсутствие» нагадили у него в купе, и потребовал немедленно привести отведённое ему помещение в надлежащий вид.

Неубедительные возражения проводника о том, что на дворе, то бишь, за окном – глубокая ночь – были сняты тут же по предъявлении Усиковым заряженного револьвера.

Когда сонный проводник при помощи «столь же бодрых» солдат придали купе... вид купе, Усиков отделался серебряным рублем на всех – и задумался. На тему пакета. Нет, доставить пакт он был обязан – тут и думать было не о чем. Но – не в таком же виде?! Однако и поручить восстановление его, кому попадая, он не мог. А тут ещё и мысли начало сносить с настоящего на прошлое.

– Как это я ухитрился так его загадить? Я же всё хорошо... не помню. Помню, что сел вагон. Мы поехали – это я тоже помню. Едва отъехали от станции, появился ко мне этот штабс с бутылкой водки и парой огурцов.

Насчёт огурцов Усиков был твёрд во мнении. Содержимое «беседы» он редко забывал. Ну, а если и забывал, то оно само напоминало ему о себе. Как в данном случае – горкой на пакете.

Стимулируя процесс, Усиков потёр виски.

– Идём дальше. Значит: бутылкой водки... Ну, что такое – одна бутылка на двух офицеров? Ясно дело: не хватило... Не хватило – и мне пришлось вкупиться бутылкой «шустовского»... Её тоже не хватило – и штабс сбегал к солдатам. Вернулся он с котелком спирта. Скушали мы этот котелок, закусили...

Усиков покосился на горку.

– ... шоколадкой на двоих – и... а дальше не помню.

Ничего удивительного в такой амнезии не было. Для сохранения памяти шоколадки на двоих после котелка спирта, в очередь за бутылкой водки и бутылкой коньяка, явно не хватало.

– Котелок...

Капитан недоверчиво хмыкнул: масштаб – точнее, объём – совершённого им подвига, вызывал не только уважение, но и сомнение.

Для любого нормального... алкоголика.

– Не мудрено, что я так... хм... разгрузился в купе!

При одной мысли об этом его передёрнуло. Но от рецидивов он воздержался. Или – его воздержало. Не исключено: чувство долга. В виде загаженного пакета.

– Как он-то здесь оказался? А-а: наверняка, я спьяну хотел им «убить» штабса... А всё – водка проклятая!

Взгляд Усикова то и дело сносило на конверт. Итог был неутешительным: восстановить пакет до исходного состояния не представлялось возможным. Он претерпел от Усикова не только снизу, но и сверху. «Содержимое беседы» тоже внесло свой вклад – и не такой, уж, скромный.

– Что же делать?

Усиков был прав: надо было не только ехать, но и доехать, и даже вручить.

– Может, перебить аммиачный запах другим, более крепким?

А – жирные разводы?

Решение пришло не сразу и не само: пришлось напрячься.

– Надо менять пакет!

Раздобыть пакет – не проблема: на любой станции. Но как быть с печатями? Под мысли «о жизни и о себе» блуждающий взгляд капитана упал на золотую печатку, которую он как-то принял «в дар от благодарного населения».

– А если...?!

Надежда вспыхивала напрасно: размеры сургуча и печатки оказались несопоставимыми. Подделка была бы обнаружена тотчас и невооружённым глазом.

– А если – внаглую?!..

На станцию назначения состав прибыл утром. От былой прохлады уже не осталось и следа. Грязный обшарпанный вокзал встретил Усикова нарождающейся духотой, густо замешанной на ароматах машинного масла и общественных туалетов. Капитан ступил на перрон свежeweбритым и свеженаглаженным: за ночь проводник и солдаты восстановили статус-кво мундира.

Заметив встречающего с табличкой, Усиков пошёл навстречу... туалету. Там и состоялось погребение останков пакета. Письмо же капитан сунул в карман кителя, после чего отправился на почту, где без проблем купил новый конверт.

Расположившись за стойкой, он неуверенно обмакнул истерзанное перо в засиженную мухами чернильницу... Через десять минут оттиски печати местной почты на сургуче положили конец его многочасовым сомнениям... А спустя час атаман принял Усикова в своей резиденции.

Войдя в шикарно обставленный кабинет главы Директории, капитан шёлкнул каблуками, и протянул атаману пакет. Едва взглянув на конверт, атаман разломал печати и вынул письмо. Конверт – к удовлетворению Усикова – тут же отправился в пылающий камин. Вместе с печатями местной почтовой службы. С благодарностью Усиков отметил про себя, что глава Директории – не бюрократ.

После этого атаман принялся за письмо. Нет: пока ещё – только читать. По мере того, как он углублялся в текст, лицо его начало принимать бурячный оттенок. К положительным эмоциям этот окрас явно не имел отношения.

– ??? – комбинированно запросил-испугался Усиков.

Ответный взгляд главы Директории был такого огненного наполнения, что Усиков непроизвольно «сходил в штаны». На этот не потребовалось и спиртосодержащих излишеств.

– Вы читали письмо?!

Меньше всего в вопросе атамана было... вопроса. После этого Усиков просто обязан был начать заикаться.

– К-к-как м-м-можно, п-пан атаман!

Усиков соврал. Частично. Только – насчёт «не читал»: он «всего лишь» написал письмо. Беззвучно – но вполне «разборчиво» – шевеля губами, Семён Васильич вернулся к тексту: может, он что-то не так понял.

Но нет: надежда оказалась обманщицей. Текст по-прежнему гласил следующее: «Ясно-вельможный пан атаман! В связи с выходом из окружения группы „красных“ под командованием Ивана Якина, которая тылами Ваших войск направляется к Хватову на соединение с основными силами армии, я – и в моём лице командование Волонтёрской армии и всех Волонтёрских сил Юга России – протягиваю Вам руку дружбу! Прошу принять мои искренние заверения в том, что, если „красные“, не встречая противодействия, пройдут тылами Ваших войск, то Вы, ясно-вельможный, будете повешены на первом же суку. Остаюсь с наилучшими пожеланиями. Искренне ваш. Генерал-лейтенант Кобылевский, командующий Волонтёрской армией. P.S.»

– Что значат эти буковки?

Атаман перевёл взгляд на Усикова и начертал в воздухе незнакомые литеры.

– Вероятно, постскриптум, – дрогнул голосом капитан: он точно не писал постскриптум. – Буквально: «после написанного».

Атаман вернулся к чтению.

«P.S. – гласил текст P.S. – Не забывайте, пан атаман, что только в этом году мы уже дважды надрали вам задницу! Всех благ!»

– «Всех благ!» – качественно позеленел Семён Васильич. – Их Превосходительство желают мне всех благ!

– ???

Последним усилием воли Усиков выдал недоумение: и таких слов в его тексте не было. Он мог поклясться, что в момент написания был трезв, как стёклышко! Но атаман вёл себя неадекватно – и это не сулило ничего хорошего. Предчувствия его не обманули.

– Скажите, капитан, – недобро усмехнулся Семён Васильич, – знаете ли Вы, что такое хорошие кожаные канчуки?

– Кан... чего?

– Канчуки?

Недобрая усмешка атамана нисколько не подобрела.

Усиков затряс головой. Точнее, голова и не спрашивала разрешения.

– Не-е-е...

– Вы, что, не читали «Вий» Гоголя?! Темнота!

Атаман плюнул в камин – как в посланца.

– Ну, о чём с Вами говорить после этого? Ладно: упрощусь. Специально для Вас. Известно ли Вам, что в старину делали с послами, оскорблявшими монарха страны пребывания? Пусть и в качестве почтальона?

Усиков побледнел: он когда-то учился в кадетском корпусе.

– Правильно! – одобрил Семён Васильич. – Их сажали на кол! В лучшем случае – всего лишь отрубали голову! Под хорошее настроение.

Капитан дрогнул в коленях: атаман явно не шутил. Значит, с письмом было что-то не так.

– Я ведь привёз Вам предложение мира и дружбы! – ещё раз упал духом Усиков. – Мне так и поручено сказать это на словах – в дополнение к письму!

Глаза атамана мгновенно вышли из орбит.

– Как, ещё и в дополнение?! Нет уж, увольте: с меня достаточно и письма!

Лист упал под ноги атаману, который тут же удостоил его своего сапога.

– Ничего не понимаю...

– Всыпать бы Вам – сразу бы всё поняли!

– За что?! – пошатнулся Усиков.

– За это самое!

И Семён Васильич указал на бумагу, отмеченную печатью его сапога. Затем он развернулся, и, скрипя новеньким хромом, зашагал по кабинету – как по душе Усикова. Капитан не ошибался в оценке маневра: атаман решал его судьбу. Даже – уже решил: осталось лишь огласить решение.

– Вот что, капитан.

Атаман протёк оловянными глазами на самое дно души Усикова. По этой причине Виктор Терентьич не мог не ощутить леденящий холод металла.

– Надрал бы я Вам задницу, если бы это хоть что-то изменило! Узнали бы Вы тогда, что такое хорошие кожаные канчуки, и, не читая Гоголя! У меня есть такие умельцы – куда тем художникам! Расписали бы Ваши филеи, не хуже, чем кузнец Вакула – храм Божий в Диканьках!

Усиков ещё раз уменьшился в росте – за счёт подкосившихся ног. Одно только и удерживало его от того, чтобы не пасть на колени: сослагательное наклонение. «Если бы...». И атаман не подвёл капитана.

– Не вибрируйте конечностями: я отпускаю Вас. И не потому, что – такой добрый: какой смысл пороть Вас? Передайте Вашим хозяевам, что в гробу я видал их дружбу! И ещё передайте, что угрозами меня не запугаешь: за мной – народ Украины!

Семён Васильич сунул руку за борт кителя – и несколько секунд поработал монументом... себе.

– Вот так и передайте!

– А-а...

Даже полноценно заикнуться об ответном послании Усикову не удалось.

– Вы едете сейчас же!

Атаман ещё раз выкатил впалую грудь.

– Немедленно! Вас проводят!

Под этот текст он сам «проводил» капитана за дверь. Коленом под зад. Мокрый и сверху, и снизу, и сзади, и спереди, Усиков беспомощно развёл руками.

– Ничего не понимаю...

Из-за дубовых дверей он не мог слышать энергичного монолога Семёна Васильича. И, пожалуй, даже хорошо, что не мог: такие слова заставили бы его крепко задуматься над тем, стоит ли возвращаться в Харьков. Глава Директории был очень красноречив:

– Бескорыстная дружба! Плевал я на вашу бескорыстную дружбу! Какая мне корысть с бескорыстной дружбы? Ещё грозят, сволочи! Ну, ничего, мы ещё поглядим, чья переважит! Мне ведь, что «белые», что «красные» – всё едино! Так что – гуляй, Якин...

Глава шестая

– Ну, почему он идёт тылами этого самостийника, как по своему огороду?

Кружась вокруг Чуркина, Кобылевский орошал слюнями не только мундир полковника, но и «окрестности».

– Без единого выстрела, полковник! Как тут не спросить: да ездили ли вы к этому жовто-блакитнику?! Может, пока Вы тут пьянствовали, мне самому нужно было съездить? Ну, работнички! Ну, помощнички!

Обвинение в пьянстве было несправедливым. Точнее, несправедливым было обвинение в сольном пьянстве Чуркина: пили они вместе. Вс эти дни. Как обычно. «Совещались», то есть. Но, верный благоразумию, Чуркин не вышел с уточнениями... на свою голову – и то, что ниже.

– Где этот твой капитан? Давай его сюда!

В кабинете Его превосходительство амбиции могут быть только у Его превосходительства – и полковник мухой вылетел за дверь. Через минуту он уже волочил за собой полуживого Усикова.

– Вот он, Ваше превосходительство!

Чуркин торжествовал так, словно только что самолично изловил шпиона.

– Ага!

С лицом на тему «попался!» Кобылевский подскочил к трясущемуся Усикову.

– Ну, что: сами признаемся – или помочь?

– ???

Это было всё, на что сподобился капитан.

– «Объяснить»?! – без переводчика понял Кобылевский. – Вы, сударь, прекрасно знаете, где объясняются на подобную тему!

Генерал сделал полуоборот к маячившему за спиной Чуркину.

– Да! – соответствовал тот, изничтожая несчастного капитана пылающими от служебного рвения глазами.

Ноги Усикова подкосились в коленях, и если бы не крепкая хватка командующего, он непременно рухнул бы к начищенным сапогам Вадим Зиновьяча.

– Займётесь им, полковник? – «вежливо поинтересовался» Кобылевский.

Чуркин щёлкнул каблуками.

– С удовольствием, Ваше превосходительство!

Он тут же схватил за шиворот Усикова: «козёл отпущения» был налицо – и Кобылевского следовало «ковать», не отходя от «козла».

Но тут, как всегда некстати, командующий доказал, что у него – не семь пятниц на неделе, а все восемь.

– Надо, всё же, заслушать «товарища».

Вадим Зиновьяч, в целом, был незлой мужик.

– А то, понимаешь, ничего толком не доложил, не объяснил!

С выражением невообразимого сожаления Чуркин отпустил воротник усиковского кителя.

– Николай Гаврилыч, приведите его в чувство.

Полковник тут же «привёл в чувство» несчастного Усикова – при помощи ног и графина с водой. «Подрабатывая водопадом», Усиков медленно поднялся с пола.

– Вы в состоянии говорить?

В своей добродетели Кобылевский дошёл до того, что передал капитану личный – правда, не вполне свежий – носовой платок.

– Да, благодарю Вас, Ваше превосходительство...

– Очень хорошо! В таком случае, благоволите объяснить нам, как могло случиться то, что случилось? Почему атаман позволил «красным» этот променад по своей территории?

Капитан мотнул головой. Горизонтально.

– Не знаете?

Капитан повторил ответ – но уже в вертикальной плоскости.

– Тогда, может быть, Вы просветите нас о деталях своего пребывания у Семён Васильича? Не имели ли место в ходе вашей беседы какие-нибудь осложнения?

– ...

На качественное изумление Усикова не хватило.

– Тогда начнём «от печки», – вздохнул генерал. – Итак, Вы прибыли на станцию...

– ???

– Это я —»???» – вспыхнул Вадим Зиновьич.

– Виноват, Ваше Превосходительство! – побледнел Усиков, большой мастер по этой части. – По прибытию на станцию я тут же отправился на встречу с атаманом!

– И по дороге никуда не заходили?

Беседа всё активнее переходила в допрос. Усиков опять хотел ответить головой, но вовремя вспомнил, что язык подходит для этого лучше:

– Никак нет: никуда! Правда...

Кобылевский немедленно сделал стойку.

– ... я посетил вокзальный туалет: волнение, знаете ли...

– Ну, конечно: волнение! – хмыкнул Вадим Зиновьич. – У плохого солдата – всегда понос перед боем...

Усиков проглотил оскорбление и комок в горле. За один раз – чтобы «не ходить дважды».

– И что было дальше?

– Дальше? Дальше я прибыл в штаб, и вскоре головной атаман принял меня...

Взгляд капитана, и без того далеко не лучезарный, неожиданно погас. Усикову ещё повезло, что командующий не видел этого взгляда по причине занятости делами: он извлекал из сейфа бутылку. От всех этих неприятностей у него сегодня с утра во рту не было... Нет, без маковой росинки он бы ещё обошёлся – а, вот, без спиртного...

– Ну, что же Вы замолчали, капитан? Врите дальше!

После стакана командующий подобрел и взглядом, и голосом.

Пытаясь унять дрожь в голосе, Усиков робко откашлялся.

– Ну, принял он меня, значит. Я передал ему пакет... и он... разломал печати и начал читать письмо...

– «Разломал»?» – хрустнул горбушкой Кобылевский.

– Вот чтоб мне!..

Усиков истово перекрестился. Он говорил правду: атаман действительно разломал печати. Какие именно – другой вопрос.

– Дальше!

Усиков не смог скрыть вздох облегчения. Он вообще ничего не мог скрыть. Даже – принадлежности к контрразведке. Правда, её он не только не скрывал, но и всячески подчёркивал: других достоинств у него не было.

– Атаман читал письмо про себя... Но фразу о том, что Его превосходительство желает ему всех благ, он повторил вслух... Даже дважды...

Не отрывая от командующего приклеившегося к нему преданного взгляда, капитан приложил руки к груди.

– Клянусь всеми святыми, что так и было!

И это тоже было правдой – пусть и не всей, но правдой. Даже в количественном отношении: ведь атаман и в самом деле повторил адресованное ему «пожелание» дважды.

По причине ежедневно-ежевечерних заседаний Кобылевский уже не помнил содержания письма, с которым его ознакомил Чуркин – большой охотник до чужих лавров. Но и полковник, в свою очередь, уже не помнил всех нюансов эпистолы – по той же причине. Но зато оба они помнили, что письмо было составлено в любезных выражениях. Пожелание благ вполне могло затесаться между строк.

Поэтому Вадим Зинович спокойно «добил» второй стакан – и подобрел ещё больше. Не только лицом – но и к Усикову.

– Ну и?

Усиков вытянулся во фрунт.

– Ну, значит, поблагодарил он Ваше превосходительство за пожелание ему всех благ. Потом...

Виктор Терентьич запнулся: следовало быстро придумать оптимальную версию. В распоряжении у него было только мгновение. За это время его срочно должно было осенить или ударить: мысли приходили к нему лишь таким способом. И его осенило – или ударило: что может быть оптимальнее совместного распития водки? Как минимум – для командующего? И капитан решительно переступил черту, отделяющую прозу жизни от области ненаучной фантастики.

– Атаман предложил мне попробовать атаманской горилки! Ну, доложу я Вам, Ваше превосходительство: вот это – да! Кстати, Семён Васильич рассказывал мне, как его хлопцы вымачивают в ней свои знаменитые кожаные канчуки...

– Канчуки?

Вадим Зинович наморщил лоб.

– А: «Вий» Гоголя! Читал!

Усиков завистливо вздохнул. Имел на то полное право: в кадетском корпусе Гоголя проходили уже после того, как будущий капитан был исключён из учебного заведения с формулировкой: «за систематическую неуспеваемость и плохое поведение».

– Да-да, Ваше Превосходительство!

Плохая игра, в точном соответствии с рецептурой, затребовала хорошую мину.

– Именно у Гоголя! В этом... как его... в «Вие»! Кстати, пан головной атаман пытался уличить меня в невежестве, и хитро так спросил, мол, откуда это?

– Ну, и Вы?

Интерес генерала к третьему стакану уже значительно превышал интерес к показаниям Усикова. По причине отсутствующего – на себе – взгляда командующего, Усиков отважился на выкат груди.

– Ну, а я не только удивился, но и оскорбился! И то: какой русский офицер не читал Гоголя, а тем более этого... как его... «Вия»!

Усиков врал настолько убедительно, что временами ему самому начинало казаться, что говорит он сущую правду, и что именно так всё и обстояло в действительности.

– Ну, потом, уже за другой бутылкой горилки, мы с ним посмеялись над его рассказами о том, какие художества учиняют этими канчуками его умельцы над своими жертвами – вернее, над их задницами!

Упоминание задницы немедленно сподвигло командующего на поощрительную ухмылку: он ведь был генералом. Усиков не замедлил подработать Вадим Зиновичу подобострастным хохотком. Почувствовав, что тремя стаканами – это только при нём – командующий уже достаточно подготовлен к восприятию более серьёзных домыслов, капитан перешёл в решительное наступление. На правду.

– Кстати, Ваше превосходительство, во время дружеского разговора атаман пожаловался мне на трудности в управлении войсками. Он сказал, что солдаты не желают воевать по причине систематической задержки жалованья. Он даже признался мне в том, что некоторые его

части – как раз те самые, на которые мы рассчитывали в деле уничтожения группы «красных» – сильно распропагандированы большевиками.

Кобылевский и Чуркин обменялись изумлёнными взглядами.

– Да что Вы говорите?!

Покончив с изумлением – и заодно и очередным стаканом водки – Вадим Зинович сокрушённо покачал головой.

– Вот тебе и «пан атаман»!

– Так и сказал, Ваше превосходительство!

Усиков отреагировал моментально, ухватившись за фразу командующего, как за хвост жар-птицы. Ни один мускул не дрогнул на его лице: в этот момент он и сам верил в то, что «главный самостийник» иначе и сказать не мог.

Чуркин ядовито усмехнулся: самое время поработать на свою реабилитацию.

– Пытался создать у нас впечатление полной беспомощности, чтобы мы не рассчитывали на него!

– Похоже, что Вы правы, полковник...

Кобылевский вздохнул, и потянулся за бутылкой. Уже – за другой.

– ... И в оценке намерений атамана, и в оценке его сущности... Похоже, Иван Антоныч напрасно делал ставку на самостийника...

Сейчас главное было – не опоздать с подтверждением – и Чуркин не опоздал:

– Полностью с Вами согласен, Ваше превосходительство!

Сокрушённо качая головой, Кобылевский донёс печаль до Усикова. Вместе с бутылкой.

– Может, Вы что-то недоговариваете, капитан? – нырнул он в глаза капитана. Осторожно – так, чтобы не удариться о дно. По причине незначительной глубины. – Может, было ещё что-то? А? Так Вы скажите – клянусь, ничего худого я Вам не сделаю... может быть.

«Ага, – ответил за Усикова его взгляд. – Не сделаешь ты! Так я тебе и поверил: сожрёшь – и не подавишься! Нет, уж, Ваше превосходительство: буду „лепить горбатого“ до конца – глядишь, не до моего, а до победного!».

– Никак нет, Ваше превосходительство!

Усиков поел командующего верноподданным взглядом.

– Всё – как на духу! Каждое слово – правда...

– ... и ничего кроме правды! – подключился Чуркин. – Теперь уже не проверишь, капитан, что в Вашем докладе – правда, а что – нет. Поезд, как говорится, ушёл...

Вряд ли полковник огорчился этим обстоятельством: даже такой, рассказ капитана неплохо работал и на его реабилитацию. Ну, а сам Усиков уже настолько осмелел, что обнаглел – и позволил себе возмутиться словами начальства.

– Почему это не проверишь? Известно ли Вам, господин полковник, что «незалежники» делают с теми, кто оскорбляет их атамана – неважно, по своей инициативе, или по воле начальства?

Чуркин усмехнулся.

– Конечно, известно: дерут их, как сидоровых коз! Как раз, теми самыми канчуками, о которых Вы нам тут рассказывали. Да это и не секрет: многие наши офицеры после возвращения от Семён Васильича неделями не могли сидеть.

Усиков гордо выкатил грудь, и надменно дёрнул подбородком.

– Прикажете снять штаны?

И он решительно ухватился за ремень. Кобылевский поморщился.

– Господа, господа! Будет вам пикироваться! Не хватало мне ещё штабного стриптиза!

– Ну, а чего он?

Усикова обиженно шмыгнул носом: чем не демонстрация оскорбленного благородства?

– А чего я? – принялся недоумевать Чуркин. – Я – ничего! Разве я сказал капитану, что в чём-то подозреваю его? Нет, не сказал! Я всего лишь заметил, что установить истину... в другой редакции уже не представляется возможным.

Чуркин оставил недоумение и скрипнул ремнями.

– А посему я предлагаю Вашему превосходительству закрыть этот вопрос. Тем более что проку от наших сомнений никакого: Якине со дня на день выйдет к своим, а Директория, как воевала против нас, так и воюет.

Кобылевский покосился на бутылку, явно сожалея об утрате той «девственности».

– Ладно, согласен: вопрос закрыт... Можете идти, капитан.

Усиков не заставил себя упрашивать – и в рекордные пять секунд достиг порога. Уже, закрывая дверь, он услышал в спину:

– Врёт ведь, Ваше превосходительство! По глазам вижу, что врёт – а ничего не докажешь!..

Глава седьмая

Кобылевский покачал головой уже в отсутствие капитана.

– Чёрт его знает... Конечно, никакой водкой там и не пахло... Но что это доказывает? Ну, прихвастнул капитан – обычное дело. Ведь по сведениям оттуда...

Вадим Зинович ткнул пальцем... нет, не в небо: через плечо. Куда-то в сторону окна, где, вероятно, «находилась» атаманская ставка.

– ... Усиков действительно был принят атаманом. Другой вопрос: что там, за дверями, происходило на самом деле? То ли атаман был с похмелья, то ли Усиков – поди, теперь, разберись... Может, у пана атамана имелись какие-то свои планы, не совпадающими с нашими, может, «красные» ему «напели» – не знаю. И теперь уже, наверно, не узнаю.

– ???

– Что, полковник?

Командующий уже не мог не заметить круглых глаз Чуркина. Даже в условиях тумана... в своих глазах.

– Ваше превосходительство, а Вы не допускаете того, что письмо могло быть подменено?

– ???

– Не Усиковым, конечно – врагом? Отсюда – и реакция атамана, и явная ложь капитана, которого там наверняка встретили без горилки! А, если и продемонстрировали её – то в наборе с канчуками! А? Голову даю на отсечение, что Усиков сам теряется в догадках насчёт того, почему всё произошло так, как... произошло!

Кобылевский с сомнением почесал за ухом. Полковник тут же накинулся на них обоих.

– Уверю Вас, Ваше превосходительство! Печёнкой чую, что всё было именно так!

Кобылевский поморщился. Но не от слов полковника: от новой дозы.

– А, что-нибудь – кроме печёночных ощущений?

Чуркин выгнул грудь колесом.

– Есть!.. То есть, будет... Сегодня же... Или завтра... Словом, на днях...

– Подвесите Усикова на дыбе?

Полковник смутился: командующий был слишком уж прямолинеен. У них, в контрразведке, это мероприятие именовалось всего лишь «оперативно-следственными действиями». Теми самыми, о которых говорят, что в ходе их было установлено то-то и то-то. То есть, не дыба – а точное следование инструкции и уголовно-процессуальному законодательству.

– И что это нам даст?

Кобылевский вздохнул – и отставил бутылку: следовало поберечь себя... для вечернего «совещания».

– «Красные» тут же вернутся на исходные позиции, а Директория ударит за нас в штыки?

Полковник замялся.

– Нет, конечно, но зато мы будем знать...

– Что именно?

Чуркин, от генеральского скептицизма несколько утративший очертания, вытянулся во фронт.

– Ваше превосходительство, письмо было явно подменено – печёнкой...

– О Вашей чувствительной печёнке я уже слышал!

Кобылевский уже не скрывал раздражения: он только что закрыл дверь сейфа за недопитой бутылкой. Было, отчего раздражаться!

– Если у Вас нет ничего другого, поговорим лучше о делах более серьезных, чем Ваши фантазии!

Досадуя больше на свою половинчатость в отношении бутылки, чем на настырность Чуркина, Кобылевский нервно прошёлся по кабинету.

– Ну, и кто бы мог это сделать? – буркнул он, «проходя мимо». – И главное, как?

– ...

Иных доводов у полковника не нашлось. Зато они нашлись у командующего.

– Не иначе, как тут поработали духи! Так сказать, «тёмные силы нас злобно гнетут»? Да, полковник? Делом надо заниматься, Николай Гаврилыч, а не беллетристикой! И с чего Вы взяли, что всё объясняется подменой? Да для объяснения бездействий этого самостийника можно найти тысячи причин.

– ???

– Понял! – понял Его превосходительство. – Например, Вы не хуже меня знаете, какая это сволочь!

– Это – верно, – упал духом полковник, но тут же встал. – И всё же, зря Вы мне не верите, Ваше превосходительство!

– ???

Вадим Зиновьевич уже ясно давал понять Чуркину, что всему есть предел. В том числе – не только его «сверхнормативному нормативу» – но и фантазиям начальника контрразведки.

Но Чуркин не понял. Или не захотел понять.

– И, тем не менее, я считаю, что подмена письма имела... то есть могла... то есть имела место! И это – дело рук вражеского агента, работающего у нас в штабе!

Уже заходя в тыл полковнику, командующий замер на полпути.

– ???

От изумления Владимир Зиновьевич лишился дара речи. Даже – «русской разговорной». Чуркин сдвинул каблучки, параллельно работая головой. По линии кивка.

– Да, Ваше превосходительство: у нас в штабе работает «красный» шпион! Усиков ехал с секретной миссией, о которой никто знать не мог! Не мог – и, тем не менее, знал! Я прихожу к единственному выводу... То есть, у меня есть все основания....

– У меня тоже есть все основания!

Командующий не позволил торжествам Чуркина затянуться. Хотя бы – на лице начальника контрразведки.

–

Недоумению полковника активно подработала его отвисшая челюсть.

– Вы правильно меня поняли, господин полковник: у меня есть все основания принять Вашу отставку!

– ???

Чуркин моментально сообразил, что взгляд не уместен – и заменил его... нет, не голосом: криком души:

– За что?!

– «За что?»

Командующий был настолько выразителен, что полковник лишь последним усилием воли удержал при себе «отходы производства». Обратный вариант был бы тем более обидным, поскольку командующий неожиданно смягчился.

– А знаете, полковник: я, пожалуй, соглашусь с Вами.

Чуркин уже собрался перевести дух – но не успел.

– За одним, маленьким, таким, исключением.

Полковник как-то сразу догадался: маленькое исключение сулило большие неприятности. И он не ошибся: лицо командующего расплылось от удовольствия – в предвкушении «обеда».

– Дело в том, что о поездке Усикова знали все офицеры штаба, присутствовавшие на пирушке! На пирушке в честь отбытия капитана «с секретной миссией»! И, если мне не изменяет память, Вы, полковник, не только были там, но и произнесли тост за успех миссии своего помощника?

Чуркин начал убывать в прострацию: так удачно всё складывалось – и вдруг такой пассаж! И как он мог забыть об этой чёртовой вечеринке? Сюжет, достойный фельетона!

– Именно так и было!

– ???

Кобылевский ожидал явно не такой реакции. Неужели Чуркин, в кои-то веки, «шёл сдаваться»? Или у него на уме что-то другое?

– Именно так и было, Ваше превосходительство!

Полковника буквально распирало от чувств. И даже то, что его давно уже распёрло от хорошей жизни, не помешало командующему отметить этот любопытный факт.

– Что «именно»?

– Один из них – и есть «красный» шпион!

– Кто?!

– Один из этих собутыльников!

– ...

Это Кобылевский вынес приговор. Руками. Точнее, всего лишь одним пальцем. У виска. С последующим вращательным движением.

– А я, грешным делом, подумал: слава Богу, образумился, полковник...

– Уверяю Вас, Ваше превосходительство!

Игнорируя выпад командующего, Чуркин умоляюще сложил руки на груди.

– Уверяю Вас, что так оно и было! Один из собутыльников, «красный» шпион, за столом узнал о поездке – и тут же подменил письмо! Ну, пусть не тут же... Но какая, в конце концов, разница! Главное, что подменил! Фу, ты, как всё, оказывается, просто!

Глаза полковника сияли... даже не радостью: счастьем. Но глаза командующего почему-то не спешили присоединиться к сиянию. От этого счастливая улыбка недолго обживала лицо Чуркина.

– Вы мне не верите, – упал голосом полковник. – И всё же:

Ваше превосходительство, у нас в нашем штабе обосновался «красный» лазутчик!

У меня есть все основания утверждать это!

Он щёлкнул каблуками сапог, и решительно боднул головой.

Командующий неожиданно зевнул.

– Повторяетесь, Николай Григорьич... Ну, тогда и я повторюсь...

– ???

– Пишите рапорт, полковник!

Последним усилием воли – или её заместителей – Чуркин выгнул грудь.

– Ваше превосходительство, я готов сегодня же...

– Да-да, сегодня же подайте рапорт с просьбой о переводе в войска! Я намерен определить Вас в один из ударных офицерских батальонов!

– А-а...

Закончить речь Чуркин не смог: отвисла челюсть. Он и не предполагал, что они с командующим так диаметрально расходятся в тематике рапорта. Поэтому следующая фраза вышла из полковника спустя минуту – и уже другого содержания.

– Ваше превосходительство! – дрогнул голосом Чуркин. – Разрешите признаться: был неправ! Снимаю возражения, признаю бестактность, ошибки и упущения в работе! Готов понести любое наказание – вплоть... до перевода... в кабинет!

В этот момент двери распахнулись, и прапорщик-стюард внёс серебряный поднос со стоящими на нём бутылками водки, банкой с солёными огурцами и тарелкой с нарезанным ломтями хлебом.

– О-о-о!

Вадим Зиновьевич мгновенно оживился и как-то сразу забыл о полковнике и его деле.

– Нашего полку прибыло!

И командующий заговорщически подмигнул сиротливо стоящей на подоконнике пустой бутылке. Водка недолго задержалась в заводской таре – и вскоре уже весело плескалась в стаканах.

– Будет дуться, полковник!

По причине «свежего пополнения» Его превосходительство был само благодущие.

– Давно бы так! А то нафантазировал, понимаешь! Пей лучше, и впредь слушайся старших!

Лишь теперь полковник мог перевести дух. Обе причины – и благодущие Кобылевского, и стакан водки – он объединил в один выдох.

Не в целях экономии: от благоразумия.

– Правильно, Гаврилыч! Чем сочинять небылицы, лучше подумаем о том, как спасти положение, а заодно – и наши с тобой задницы.

Не вынимая огурец изо рта, Кобылевский развернул оперативную карту, и прижал один из её концов опорюжнённым стаканом.

– Вот смотри!

Следом за командующим Чуркин склонился над картой.

– По сведениям армейской разведки, «красные» сейчас – в половине пути от Хватова.

Кобылевский ткнул карандашом в точку на карте.

– Если они сохранят темп, идти им ещё суток пять – не меньше.

Он бросил карандаш, и разогнулся. Глаза его были здесь, но мысли блуждали явно за пределами кабинета.

– Время ещё есть... Вот и давай думать, что мы можем сделать в этой ситуации... чтобы заместить атамана... Полковник?

Чуркин встрепенулся. Пока командующий «теоретически добивал» Якина, он подвергал себя нещадной критике за нарушение субординации и забвение дарвинизма. Точнее, тех его положений, которые определяют механизм выживания. Проще говоря, полковник материл себя за то, что зарвался. «Уж сколько раз твердили миру...» – а лесть куда надёжней амбиций и правдоискательства.

– Виноват, Ваше превосходительство: задумался!

– Надеюсь, о деле?

– Так точно, Ваше превосходительство!

– Ну?

Чуркин откашлялся в кулак.

– Тут, выполняя Ваше приказание, Ваше превосходительство, я запросил у «Никодим Никодимыча» сведения о наиболее удобном участке для прорыва корпуса Слонова. Корпус удачно «погостил» у «красных» – пора и домой...

– Ну-ну!

Кобылевский оживился – и потянулся за бутылкой. Как всегда – в минуты оживления. Чуркин прищурил глаза: уже можно было.

– Ваше превосходительство, а что, если мы познакомим Якина с нашей кавалерией?

Рука Кобылевского зависла над стаканами. Вместе с бутылкой.

– Не понял?..

Чуркин вплотную придвинулся к генералу – идохнул на него энтузиазмом на свежем водочном перегаре.

– «Никодим Никодимыч» указал мне подходящий участок линии фронта...

Ядовитая усмешка растянута губы полковника.

– ... для конницы Слонова. А что, если мы направим Якина – он и так идёт обходными путями – по тому же маршруту? Устроим ему рандеву

с «Дикой дивизией»?

Взгляд Кобылевского начал проясняться. Ничего удивительного – после четырёх-то стаканов, не считая мелких глотков.

– Вы хотите сказать...

– Да, Ваше превосходительство! – просиял Чуркин. – Мы пошлём к «красным» перебежчика с подлинными оперативными картами, в которые внесём лишь «небольшие» коррективы!

– На тему...

– Так точно, Ваше превосходительство: участка фронта, якобы определённого нами для прорыва конницы Слонова! И этот участок придётся как раз на маршрут, которым следует Якин, и где мы не можем его достать по той причине, что это – владения атамана!

Чуркин не мог сделать паузу, чтобы не поторжествовать. В том числе – и над командующим. Но Кобылевский уже догадался об этом – и не позволил торжествам затянуться.

– Ну, дальше, дальше!

Полковник вынужден был прервать автолюбование – и опять склониться над картой.

– Получив карты, «красные» начнут корректировать маршрут с тем, чтобы не попасть под удар Слонова! И мы им в этом поможем!

Чуркин опять не удержался: воссиял. Но и командующий не остался в долгу.

– Ну, что за привычка: тянуть кота хвост?!

– Мы им в этом поможем!

Чуркин поспешно «отставил хвост».

– На карте, которую наш человек передаст «красным», участок, рекомендованный Слонову, будет обозначен, как ничейная территория!

– ???

– И Якину не останется ничего другого, как пойти туда: «ничейная территория»!

Жестом человека, осилившего грандиозную работу, полковник бросил карандаш на стол, звучно выдохнул «Уф!» – и с размаху плюхнулся в кресло, не считаясь с субординацией. По причине совершённого «подвига» – можно было. Чуть-чуть.

– Он пойдёт туда, Ваше превосходительство! Ну, а дальнейшее, как говорится – дело техники!

Преодолевая сопротивление четырёх стаканов, Кобылевский, наконец, осилил замысел собутыльника.

– Ну-у, полковник!

Тут же в руках начальника контрразведки оказался стакан водки, ещё более полный, чем тот, что держал в своей руке Кобылевский. Именно так – «по справедливости» – командующий решил выразить своё восхищение талантами Чуркина.

– Давай, полковник, выпьем за успех нашего безнадёжного дела!

«Приговор» был тут же «приведён в исполнение».

– Кого пошлём? – прожевал вопрос – вместе с горбушкой – Кобылевский.

– Воробьёва – кого же ещё!

Удивление Чуркина было неподдельным: подполковник явно «застоялся в стойле» – и заскучал без приключений. На свою задницу. Как тот боевой конь, он рвался в бой даже в мирное время. Оттого этот выбор всегда был лучшим – даже при отсутствии других претендентов.

Вадим Зинович задумчиво сдвинул брови: после пятого стакана это получалось у него особенно выразительно.

– Слушай, а может, пошлём сразу двоих? Одного – в Киев, другого – на перехват группы? «На всякий пожарный случай»? Как думаешь?

Сопровождая мысли, взгляд полковника «случайно» съехал на новую бутылку водки. Ну, вот, сбился с пути. Этот его маневр не остался незамеченным. Не мог остаться.

– Правильно!

Инициативы такого рода Кобылевский одобрял без рассуждений.

– Тут без пол-литра не разберёшься!

Мысль о том, что пол-литра были, неизвестно, какими по счёту, даже не заглянула в мозги командующего.

– Да и что можно придумать на трезвую голову? Разве, что, какую-нибудь глупость?

«Приняли» «по третьей». Из последней бутылки. Из последней по отношению к предыдущей – но не к последующей.

– А думаю я так...

Чуркин занюхал крошкой хлеба: как истинно русский человек, он не злоупотреблял... закуской. И в этом отношении он был не одинок: Его превосходительство тоже был русским человеком.

– Если обе наши карты попадут к Якину одновременно, то мы с Вами, Ваше превосходительство, окажемся в такой жопе, что...

Он не договорил, и махнул рукой. Кобылевский опять задумался: ещё больше побагровел физиономией.

– Да, тут ты прав, Николай... Отправлять надо в Киев... А если Воробьёв до Киева не дойдёт?

Генерал не был бы генералом, если бы не встал в оппозицию самому себе. За отсутствием других оппозиционеров. Особенно – на подпитии.

– Или дойдёт – а там начнут «тянуть резину»? А за это время Якин без проблем доберётся до Хватова? А вдруг Киевская Чека, или там, штаб армии, не клюнут на нашу «мульку»? Не все же там – дураки? Что тогда?

Хрустя огурцом, Чуркин не спешил с ответом. Сейчас можно было: в глазах командующего он уже реабилитировал себя. Хотя бы – частично. Закончив «приём пищи», он размашисто утёрся рукавом.

– Риск, конечно, есть – как и в любом серьёзном деле. Но такая страховка нам выйдет боком. Мой человек, конечно, не опоздает. А дальше – что? Ну, вручит он ему карту – исхитрится как-нибудь. А поверит ли Якин ему? Главное: поверит ли он карте? Не скажет ли он моему человеку: что-то ты, парень, слишком вовремя вышел на нас с этой картой! А в итоге: человека – в расход, а нам...

В порыве творческого энтузиазма Чуркин едва ли не сунул под нос командующему то, что обычно суют под нос в таких случаях: «изделие ручной работы».

– Нет, Ваше превосходительство: киевский вариант – единственный!

Кобылевский скривился, и энергично почесал пятернёй затылок.

– Так-то оно так... Но даже если в Киеве и поверят нашему перебежчику, а с ним – и карте, то приказ Якину об изменении маршрута может просто запоздать! И тогда нам за труды наши...

В отлитие от полковника, командующий не стал воздерживаться – и «комбинация из трёх пальцев» живописно помаячила у носа Чуркина.

– Да и насколько я наслышан о характере этого жида, он – упрям и самоуверен. Не исключено, что он наплюёт на приказ из Киева – и все дела! Плевал ведь уже – и не единожды! И, как с гуся – плевки! А вот, если карту передаст наш человек... А, полковник?

Чуркин, за отсутствием зубочистки ковыряясь в зубах пальцем, отрицательно мотнул головой.

– То, что Якин – упрям, мне известно. Но Вы, Ваше превосходительство, вероятно, не знает, что он ещё и чертовски недоверчив! И это качество в нём – главное! Так что наш человек, заявись он к нему с картой, проживёт не больше пяти минут. Ровно столько времени потребуется «красным» для того, чтобы заслушать его, и довести до ближайшего оврага. Нет, Ваше превосходительство: только Киев!

– Не успеем!

– Успеем! Если отправим Воробьёва сегодня же – успеем!

Слегка покачнувшись – что такое пять стаканов?! – Кобылевский потянулся к кнопке звонка. Давить пришлось долго: прошла целая минута, пока старший адъютант, наконец, «не соизволил». И правильно: нечего баловать собут... собеседников.

– Павел Андреич, г-голубчик...

При виде капитана Его превосходительство всегда исполнялся благодати и уважения. Ну, вот, полюбился ему Павел Андреич. По причине одинаковых наклонностей и вкусов.

– ... не в службу, а в дружбу: пригласите ко мне подполковника Воробьёва.

Концов «согласился» – и исчез за дверями.

Если бы только Кобылевский знал, как изнемог его адъютант, безвылазно прозябая в приёмной! Нет, одну вылазку в известном направлении Павел Андреич всё же сделал, но, безуспешно. К его негодованию, какая-то сволочь забила дверь в комнату досками крест накрест, да ещё использовала при этом десятисантиметровые гвозди!

Минут пять Концов голыми руками пытался оторвать доски, но не смог. А тут ещё штабной завхоз, как назло, третий день ударялся в загул. Разумеется, и ключи были при нём: «участвовали третьим». Согласно инструкции. Поэтому добраться до гвоздодёра Павлу Андреичу было не суждено.

Делать было нечего – и, осыпая неизвестного «благодетеля» «соответствующими благодарностями в три этажа», Павел Андреич вернулся за стол, где и вынужден был предаться исключительно служебным обязанностям. Те-а-тет Его превосходительства с начальником контрразведки на этот раз не перешёл в «а труа».

Минут через пять Воробьёв присоединился к уже «тёплой» компании Кобылевского и Чуркина. О чём они там целый час говорили, Концову оставалось лишь догадываться. Хотя всем догадкам он предпочёл бы минуту у заветной стены...

Глава восьмая

Командир сводной группы «красных» Иван Якин – урождённый Иона Яхер, еврей-выкрест, пристально всматривался в даль. Верный сын своего народа, он в очередной раз пытался обмануть судьбу.

Заканчивались уже шестые сутки «героического» перехода. «Геройствовали» «по полной»: где – ползком, где – перебежками. Пока судьба была милостива к «героям». Встреченные на пути мелкие «батьковские» и «жовто-блакитнические» отряды, не принимая боя, уступали им дорогу. И правильно делали: восемь тысяч штыков да полторы тысячи сабель, пусть и едва держащихся в ослабевших руках – это было слишком много для тех, кто предпочитал работать «по линии инспекции железных дорог».

– Эх, так бы и идти до самого Хватова!

Якин раздражённо отнял себя от окуляров полевого бинокля. Мечты его никак не могли пересечься с надеждой. А всё – слухи! Слухи о коннице Слонова, удачно зашедшей в тылы Красной армии. Это они не давали ему покоя: вдруг Слонов по дороге к своим заглянет и сюда, на восток? И тогда сильно потрёпанному войску Якина не устоять!

Якин вздохнул: надо бы увеличить темп... Да как его увеличишь, когда приходится идти только ночами, а днём отсиживаться в кустах и оврагах! Проклятый Батька: в который уже раз он отказался подчиняться «красному» командованию! Это – по левую руку. А по правую – такая же «надёжная» Директория!

Якин развернул карту.

– Разведка, твою мать!

Деятельность подчинённых, так и не сумевших разжиться информацией о силах и дислокации противника, была оценена по заслугам: лаконично и должным образом.

– А ведь и анархисты, и Директория – где-то здесь! И не «поездушники»: основные силы! Пока нам попадалась мелочь, но фарт не может длиться бесконечно...

Выжженная солнцем земля приняла злой плевков краскома.

– Киеву – что? Приказал – и умыл руки! «Пробивайтесь к Хватову!» Как будто у меня – сотня вариантов: выбирай, не хочу! Одна-единственная дорожка и осталась: этими проклятыми тылами – от Иван Антоныча до Семён Васильича!

После таких ламентаций не исторгнуть из себя тяжкий вздох уже было нельзя. И он был исторгнут:

– Ох, чует моё сердце...

...Одетый в штопаную поддёвку с крестьянского плеча, Воробьёв ел преданными глазами начштаба армии.

– А почему Вы решили перейти на нашу сторону? – не поддавался начштаба – плотный, пожилой мужчина с седыми, коротко стриженными волосами, в недавнем прошлом – преподаватель Академии Генерального штаба в чине полковника.

Воробьёв откашлялся: «легенду» следовало воспроизвести дословно.

– Так сразу и не ответишь...

Начало было классическим, почти, как в романе – но Воробьёв, на всякий случай, покопился на контрагента. Случай оказался «всяким»: контрагент не «клевал». А, если и клевал – то лишь носом. Следовало оживить сюжет – и срочно.

– Честно говоря, давно уже собирался! – решительно соврал Воробьёв. – К «белым» -то я попал по мобилизации: попробуй, не пойдешь!

Но сразу же решил: при первой же возможности перейду к своим... ну, к вам, значит – к «красным»! Вот!

Подрабатывая тексту, Воробьёв добавил преданности во взгляд. Это – та самая каша, которую маслом не испортишь. Ни при каких ингредиентах.

– А как давно Вы были мобилизованы?

Карта, на которую активно косил глаза начштаба, занимала его явно больше биографии перебежчика. Это давало подполковнику возможность спокойно подготовить ответ. Но оригинальничать он не стал. И не потому, что всё гениальное – просто: в этот момент Воробьёв неожиданно оказался самим собой. Вне «легенды».

– Чёрт его знает!

Простодушное восклицание шло в сопровождении такой же мимики и жестикуляции

– Точно врать не стану!

– Ну, хотя бы примерно?

Подполковник взрыхлил растительность на затылке.

– Ну, год – полтора. В этих пределах.

– И что, возможность перейти к нам появилась только сейчас?

Воробьёв дрогнул. Даже он – не полковник Редль, и не Мата Хари – не мог не почувствовать в вопросе начштаба неприятный подтекст.

– Ну-у... Не хотелось идти с пустыми руками, а доступ к секретным документам удалось получить совсем недавно!

Это был довод – но почему-то вместо дифирамбов в свой адрес он получил ещё один неприятный вопрос.

– На картах – резолюция Кобылевского, датированная позавчерашним числом...

В глазах начштаба стоял даже не один, а три вопросительных знака.

– Как это Вам удалось так быстро добраться из Харькова в Киев?

В душе... нет: душа отсутствовала – внутри подполковника всё похолодело. Исключение составлял лишь район тыльной стороны брюк. Там уже всё было готово к конфузу по причине критических значений температуры. Из последних сил – предпоследние ушли на борьбу с кишечными позывами – подполковник улыбнулся. И не только улыбнулся, но и постарался сделать это, как можно простодушной.

– Не поверите: так хотелось поскорее добраться до своих, что летел, как на крыльях!

Воробьёв не соврал: именно таким способом он и пересёк линию фронта. Для ускорения его переброски Кобылевский распорядился выделить самый быстроходный аэроплан из свежего пополнения от союзников.

Лицо подполковника излучало такую чистоту помыслов, такую искренность, что начштаба обязан был ему поверить. Но он почему-то не спешил делать это.

– Доставленные Вами сведения...

Штабист начал протирать пенсне не по-красноармейски белоснежным платком.

– ... представляют некоторый интерес. Да-с!

Воробьёв ещё раз обмер: и это – всё?! А где дифирамбы и заверения в немедленном принятии мер?! Ведь слова начштаба сулили одно лишь погребение карты и экспликации к ней в недрах штабной бюрократии! За это время Якин мог не только дойти до Хватова, но вернуться назад – и ещё раз повторить маршрут! И без всяких осложнений – в лице конницы Слонова! Как говорится, «за что боролись»?!

Мысленное негодование Воробьёва прервал телефонный звонок. Начштаба снял трубку, и коротко представился. Дальнейшие реплики его также не отличались многословием.

– Да! Да, у меня. Так точно! Слушаюсь!

Поняв, что разговор идёт о нём, Воробьёв напряжённо вслушивался в интонации голоса начштаба, пытаясь по ним определить не столько содержание разговора, сколько свою судьбу.

Положив трубку на рычаг, начштаба одёрнул китель и продемонстрировал Воробьёву свою, далёкую от стройной, штабную фигуру. Взгляд его был всё той же «комнатной» температуры.

– Благодарю Вас, товарищ.

Голос его был не теплее взгляда.

– Сейчас мы с Вами расстанемся, так как в приёмной Вас уже ждут товарищи из Чека.

Семён Хрисанфыч побледнел, и немедленно ощутил дрожь в коленях. Очередным последним усилием воли он успел лишь понурить голову – чтобы его не выдал взгляд. А взгляд был красноречивым:

«Чека! Это – конец!»

Даже не простившись с начальником штаба, он побрёл к выходу. За дверями его действительно ждали два молодых человека в кожаных тужурках с револьверами в руках...

...Якин прислушался.

– Нет, почудилось. От этих слуховых галлюцинаций уже впору с ума сойти! Проклятая степь!

Он с ненавистью оглядел выжженные солнцем просторы, которые лишь местами оживляли транзитом «перекати-поля». Но звуки не прекратились даже после того, как Якин энергично прочистил уши.

– В каком звенит, комиссар?

Комиссар ухмыльнулся.

– В обоих! Ты лучше погляди на горизонт!

– Глаза бы уже не глядели!

– Ну, на это стоит.

Якин нехотя припал к биноклю.

– Мать твою: аэроплан! Честное слово, аэроплан!

Это действительно был аэроплан, посланный из Киева

по распоряжению командарма. Воробьёв прежде времени справлял по себе панихиду: «красные» поверили его карте. Да и как им было не поверить, если впридачу к ней Кобылевский снабдил засланца подлинной картой другого участка фронта. Того самого, где оборону держал пехотный полк, буквально накануне отправки Воробьёва в полном составе перебежавший на сторону «красных». Большой беды в раскрытии этого, уже не секрета, не было – а вот пользу он принёс. В штабе «красных» сопоставили «дополнение» с фактом – и поверили главной карте, с намеченным «участком прорыва Слонова»!

Исторгая из себя бензиновые выхлопы, аэроплан с треском приземлился на ровную, как стол, поверхность степи, и, совершив короткую пробежку, громко чихнул и остановился. Из кабины вылез хрестоматийный авиатор: облачённый во всё кожаное, уса́тый и пожилой. По причине избыточных габаритов, он с трудом спустился на землю, и шумно отдуваясь, направился к стоящим невдалеке командирам.

Болтая на ходу объёмистым кожаным планшетом, он подошёл к Якину, сразу выделив его из общей группы. Нет, это произошло не благодаря его дедуктивным талантам, а исключительно в силу ярких семитских черт того, кто был урождён Ионой Яхером.

– Вы будете товарищ Якин?

– А какой чёрт может быть ещё здесь? – «вежливо представился» командующий группой.

Вполне удовлетворённый ответом, пилот расстегнул планшет и извлёк из него пакет, наделённый многочисленными сургучными кляксами.

– От командующего армией – лично Вам!

Не утруждая себя последовательностью операций, Якин решительно вскрыл пакет. По той же методе, по которой Александр Македонский «развязывал» узел. Пробежав глазами текст, он сперва длинно «высказался по-русски» – и лишь затем перешёл на русский.

– Ну, сволочи! Нет, ну ты посмотри на этих умников!

«Посмотреть» было предложено комиссару. Тот ознакомился с бумагой – и «высказался» бровями.

– Вот именно! – обошёлся без перевода Якин. – Это ж – какой крик!

Следующая тирада была опять не для печати.

– Мы и так едва ли не на брюхе ползём – а нам предлагают ещё «немножко прогуляться»!

Так: «всего несколько десятков вёрст» в сторону от маршрута! Нет, ну не сволочи, а?

– Сволочи!

Комиссар решительно подтвердил то, что «народ и партия – едины!» Даже – в нецензурных выражениях.

– Но...

– ???

Это ему – Якин. На тему: «какие, ещё, могут быть «но»?!

– ... и не выполнить приказ...

– Такой приказ мы обязаны... не выполнить!

Комиссар не первый день был «за Якиным» – почему и без труда воздержался от ненужной прямолинейности. «Заходить на командира» следовало умно – и без кавалерийских наскоков.

– Ну, а как быть со Слоновым? С угрозой его удара? Вдруг действительно напоремся на «белую» конницу – что тогда?

– Напоремся – примем бой! Семи смертям не бывать – а на марафон пусть эти умники сами выходят!

Якин в очередной раз экзотически сочетал в себе еврейскую горячность и кержацкое немногословие. Уже в следующее мгновение пакет мог претендовать на роль дублёра в тексте «Я возвращаю Ваш портрет». Пилоту даже не потребовалось тянуть руки: Якин сам поработал с его планшетом.

– Верните это авторам! Скажите, пусть они засунут его себе в задницу!

Пилот виновато развёл руками.

– Не имею права, товарищ командующий! Мне приказано передать пакет, и взять с Вас расписку в получении.

Некоторое время краском беззвучно артикулировал губами. Текст был явно не из куртуазного романа.

– ... твою мать! – заключил он «отвод души» – и «подмахнул» спешно протянутую авиатором бумажку. – Лучше бы водки привёз: неделю – ни капли во рту!

Вместе с русской фамилией Якин принял и русские привычки.

Авиатор оживился: он уже явно не рассчитывал на то, что всё обойдётся малой кровью. «В лице» горячительных напитков.

– Могу предложить спирт! Правда, не вполне очищенный: держу его не для человека, а для аппарата! Но если товарищи командиры не побрезгуют...

– Товарищи командиры не побрезгуют! – решительно заверил Якин. – Давай сюда свой спирт!

Вскоре трёхлитровый запас пилота перешёл в руки командующего группой.

– Из закуски могу предложить только сухари!

Авиатор ещё раз «повинился» руками.

– Предлагай!

Якин уже не отводил взгляда от сосуда с «живой водой». Расчувствовавшийся пилот хотел даже пожертвовать мензурку из-под бензина, но посуда у командиров имелась своя.

– ???

Это Якин отработал глазами по авиатору. Тот не понял: не имел комиссарского опыта по работе с начальственными взглядами. Пришлось командиру включить звук.

– Третьим будешь?

Пилот скорбно покосился на стакан.

– С нашим бы удовольствием – да я за рулём!

– Ну, в таком случае, не смею задерживать!

Якин и комиссар сдвинули стаканы. Под завистливый взгляд авиатор хлопнул слюной, приложил руку к хрустящему шлему – и упал. Духом.

– А в штабе-то, что сказать?

Не поднимая глаз – точнее, не отрывая их от стакана – Якин дожевал сухарь.

– Скажи, что пакет передал. Предъяви расписку. Добавь, что Якин приступил к изменению маршрута. А изменил тот Якин маршрут, или нет, не их собачье дело! Всё! Порхай!

Авиатор ещё раз хрустнул кожей – и побрёл к аэроплану. Через пять минут, трясясь всеми расчалками и маша «бэушным» полотном, биплан оторвался от земли. Исчезающую за горизонтом неуклюжую деревянную птицу Якин провожал завистливым взглядом.

– «Чому я нэ сокіл, чому нэ літаю?» Тьфу!

Лирическая пауза оказалось... лишь паузой.

– Сволочи! Штабные крысы!

Якин хватил ещё стакан – и не позволил уклониться комиссару.

– Чего молчишь?

Комиссар неспешно дожевал сухарь: основательный человек. Во всём.

– Думаю. Полезное занятие, между прочим.

– Ну, и чего надумал?

Комиссар кивнул головой на сосуд.

– Давай – по третьей? А то для серьёзного разговора мы чересчур трезвы.

– Дело говоришь, комиссар!

Давно обрусевший по всем линиям, Якин решительно взялся за бутылку. Выпили ещё «по одной». Закусили, чем Бог – через лётчика – послал. Помолчали.

– Ну?

Комиссар вздохнул. Точнее, выдохнул.

– Думаю так. К Хватову нам идти – сие неизменно: вариантов нет. А вот как идти...

Глаз комиссара съехал на Якина.

– Раз уж ты решил отказаться от штабного маршрута, давай наметим свой!

Якин заметно оживился: он услышал именно то, что хотел. Доказательством тому была мятая карта, тут же выдернутая из-за галифе сапога.

– Подключайся!

Под командирский тон – но великодушным жестом – Якин предложил комиссару место у своей персоны. На соседней кочке. Расстелив карту на жёстком ковре выжженной травы, он обставил её по краям стаканами. Комиссар подполз к Якину – и они оба уткнулись в карту.

– Вот, смотри!

Палец Якина «проводил» комиссара к точке на карте.

– Мы сейчас – примерно здесь. А Слонов, судя по информации штаба, перейдёт нам дорогу примерно здесь.

Палец командующего переместился в другую точку, на толщину фаланги правее исходной.

– Это – если мы будем двигаться прежним маршрутом, самым неудобным, но кратчайшим и наиболее безопасным.

Якин покосился на бутылку: мыслительный процесс требовал допинга. Но комиссар увлёкся картой – а солировать Якин не привык.

– Судя по расчётам штабных, Слонов будет здесь не раньше полутора-двух суток. Но, как бы мы ни поспешали, а он перехватит нас примерно здесь.

Обозначая место встречи, Якин бросил на карту огрызок сухаря.

– Вот и думай, комиссар, куда нам, бедным, податься! Налево – Иван Антоныч, прямо по курсу – Слонов, направо – Директория вперемежку с анархией. И уже не сторожевые разъезды, а, какие-никакие, войска: с тачанками, с конницей, с артиллерией!

Якин загрустил – и уже не только без водки.

– Прямо, как в сказке: направо пойдёшь – коня потеряешь, прямо пойдёшь...

Он махнул рукой – и сказку сделал былью:

– ... твою мать!

Комиссар тактично не препятствовал отводу души. В этом ему помогал опыт знакомства. Тот самый: «сын ошибок трудных...». Через пять минут живописных матов командующий должен был «вернуться». Так оно и произошло.

– Выбора у нас нет!

Якин решительно подвёл черту под сомнениями, собой и комиссаром.

– Один у нас шанс: вот этот коридор между Слоновым и Директорией!

Он провёл ребром ладони по краю карты.

– Не думаю, что «белый» генерал, прекрасно зная, где находятся жовто-блакитники, сам полезет на рожон. Скорее всего, он пройдёт вот здесь, чтобы спокойно и без потерь уйти за линию фронта.

Ладонь Якина сделала изгиб на карте.

– А мы пройдем между ними по узкой полоске земли – ну, как по лезвию ножа! Как считаешь?

Комиссар немного подумал – и «посчитал так, как надо». Как надо делу и командующему.

– Только одно возражение.

– ???

– Один край я вижу. А где второй?

– Край чего?

Голос Якина дрогнул: он уже всё понял. Но комиссар не ограничился сделанным выстрелом – и «перезарядил ружьё»:

– Коридора, естественно?

– ...

Якин оказался честен перед правдой жизни и правдой карты.

– Вот тот-то и оно! – выразительно поработал глазами комиссар. – Отсюда – неизвестная ширина коридора. Непонятно также, что там, внутри? Какой рельеф местности?

Он смахнул с карты стаканы, и встряхнул просвечивающую на изгибах потёртую клеёнку.

– Карты-то не хватает! Мыши обгрызли!

Мыши, конечно, были ни при чём. На этот раз благодарить стоило картографов РККА и командирский сапог. И, если первые не закончили дела, то второй ополовинил даже не законченное. А всё – потому, что красные командиры «академиев не кончали», и планшету всегда предпочитали сапог. А законов физики не могла отменить даже революция. Хотя бы – в части сопротивления материала. Материал карты сопротивлялся недолго: сапог оказался сильнее.

– Да и масштаб мелковат: ничего конкретного даже о видимой части маршрута сказать нельзя... Знаешь, если бы поляки всучили Сусанину такую карту, и он повёл бы их по ней, то они не посмели бы критиковать старика! Его извинила бы их же собственная топография!

Якин нахмурился. Он не любил возражений. Особенно – не голословных.

– Будто у нас есть выход... Или ты предлагаешь внаглую переть на Слонова?

Перед ответом на такой вопрос следовало основательно подкрепиться – и комиссар налил ещё по стакану. По полному: полумер не признавал ни тот, ни другой. Сдвинули. Осушили.

– Нет, этого я не предлагаю...

«Закусив» рукавом – благо, ароматы того позволяли это – комиссар осторожно выдохнул в сторону.

– Я лишь хочу сказать, что хрен редьки не слаще...

Якин решительно стукнул по карте. Стаканом. Заодно и вопрос приговорил.

– Стало быть, возражений нет!

Предполагая, что строптивец Якин может послушаться приказа, генерал Кобылевский оказался провидцем. Как показало совсем недалёкое будущее – на свою же голову. Точнее, на голову своего коллеги Слонова...

Глава девятая

Оперативная группа Якина уже вторые сутки шла маршрутом, «уточнённым» волей командующего. Шла наощупь, почти вслепую, «прижимаясь» буквально «к краю карты», куда их отгесняла угроза встречи с конницей Слонова.

– Слепые вожди слепых!

Чтобы еврей – да не знал Библии! Даже – Евангелие: чтобы победить врага, надо знать его оружие!

– Вот уж – не в бровь, а в глаз...

Якин остановился, чтобы хлебнуть воды из фляги: невыносимая жажда мучила его. Причина была комплексной: тут и августовская жара, и «взятый на грудь» литр спирта. Сделав несколько глотков противной тёплой воды, Якин с отвращением сплюнул в сухую траву, и взялся за бинокль.

– Что за чёрт?

Работая на контрасте с отвисшей челюстью, брови его полезли на лоб.

– ??? – мгновенно откликнулся комиссар. Вместо ответа Якин протянул бинокль.

– Ё... твою!

На этот раз комиссар вышел с текстом. Не мог не выйти: прямо по курсу, в полуверсте от места, где они стояли, блестела под жарким августовским солнцем длинная узкая полоска воды.

– Вода! – изумлённо вытаращился в совсем недалёкую даль Якин.

– И холмы!

Якин рывком выхватил бинокль у комиссара. По мере того, как он водил аппаратом из стороны в сторону, скулы его смуглого лица заострились всё больше.

– Вот она – недостающая половинка карты, – «добавил энтузиазма» комиссар. – Заплутали мы с тобой, командир...

– Ну, и куда теперь?

Якин оторвался от бинокля и вытер рукавом выступивший на лбу пот. Комиссар молча пожал плечами. Да и что можно сказать, когда нет слов... кроме «русских»? Мысль пришла неожиданно. Так, как она всегда приходит к русскому человеку. И стимул был обычный – для русского человека: «жареный петушок» в районе филеев.

– Высылай разведку, командир!

Якин оторвался от бинокля: смотреть в окуляры невидящим взглядом – не самое умное занятие.

– ?

На этот раз – просто вопрос.

– Пусть обшарят окрестности. Может, найдут обходной путь... Или хотя бы сориентируют нас по месту...

– Пожалуй: а что ещё остаётся делать...

Якин скрипнул ремнями – и махнул рукой стоящему чуть поодаль начальнику разведки. Через пять минут дюжина всадников на усталых конях медленной рысью двинулась в направлении «новых деталей интерьера»...

Разведка отсутствовала уже минут двадцать. Наконец, Якин, беспрестанно вглядывавшийся в даль, выдохнул с облегчением:

– Кажется, возвращаются... Но, какого хрена они несутся так, словно им фитиля в задницу вставили?

От вздоха уже не осталось и следа. Через пару минут начальник разведки, лично возглавлявший дозор, на взмыленном коне подскакал к Якину.

– Белые, товарищ командующий! В полуверсте отсюда! Конница!

– Ну, вот, – невесело усмехнулся комиссар. – А ты говорил: «Какой чёрт здесь будет?»

Нашёлся один, как видишь...

Якин был всяким разным. Чаще всего – одинаковым. Одним и тем же: евреем «в русской аранжировке». Но чего нельзя было отнять у него – так это его феноменальной способности в критические минуты напрочь утрачивать человеческие качества: страх, изумление, растерянность. В такие минуты он решительно отказывал человеку в себе – и превращался в военную машину. С этого момента он функционировал уже в режиме заданных параметров: быстро, чётко и без соплей.

– Конница, говоришь... И много?

– Трудно сказать, товарищ командующий... Похоже на арьергард.

Якин задумался только на мгновение.

– Ты понял, комиссар: «похоже на арьергард»!

– Ты хочешь сказать...

– Да!

Не скупясь, Якин поделился с соратником ликованием.

– Мы пристроимся в хвост к «белым»! Они же не будут искать нас у себя в тылу! Вот кто станет нашим Сусаниным! Только надо держать дистанцию!.. Чего задумался? Не согласен?

Комиссар и в самом деле не спешил присоединиться к начальственному восторгу. И не потому, что замешкался.

– Можно и так...

– «Можно»?!

– А можно и иначе...

– То есть?!

Якин не терпел голого критиканства, но возражения с контрпредложением, как минимум, принимал к рассмотрению. В худшем случае, это грозило их автору рядовыми матерками за неуместную инициативу. Как и всякий нормальный еврей, Якин ценил людей мыслящих – пусть и мыслящих «вопреки» и не «в русле».

– Мы не будем держаться от них на расстоянии.

Зная командира, комиссар не стал тянуть с предисловием.

– ???

– Мы покажем им себя «во весь рост»...

– А...

Якин застыл с открытым ртом: мысль настигла его уже в процессе.

– Понял!.. Ну, ты – молоток, комиссар! Я бы сам недотумкал!

Он щёлкнул пальцами – и к нему тут же подбежал молоденький адъютант.

– Командиров полков – живо!

Через десять минут чётко поставленным голосом Якин уже отдавал боевой приказ выстроившимся перед ним командирам. А ещё через десять минут кавалерийские эскадроны рысью двинулись вперёд, в направлении слоновского – в этом Якин уже не сомневался – арьергарда...

...Получив приказ о разгроме группы Якина, генерал Слонов охотно взялся за его исполнение: добыча представлялась ему лёгкой и аппетитной. С неожиданным для себя энтузиазмом обычно строптивый генерал изменил рекомендованный «Никодим Никодимычем» маршрут, и направился на восток – на перехват «красных». Но, вскоре – точнее, по прошествии всех мыслимых сроков – энтузиазм уступил место недоумению. «В условленном месте» противника не оказалось.

– Куда они могли деться?

Сердитый вопрос, сопровождаемый не менее сердитым взглядом, генерал адресовал начальнику штаба, недоумевающему не меньше.

– Не могли там, в штабе Главковерха, напутать?

Начштаба пожал плечами.

– Чёрт его знает, Ваше превосходительство... Честно говоря, сам теряюсь в догадках. Ведь у «красных» один только путь – этот!

Ну, некуда им деваться! По данным армейской разведки, они ещё два дня назад «блюли инструкцию»! И разведка с воздуха подтвердила это: специально гоняли над степью аэропланы, не считаясь с лимитами на бензин!

– Так куда же они подевались, чёрт их дери?

Слонов так резко бросил карандаш на карту, что остро отточенный кончик грифеля тут же сломался. Это был дурной признак – и начштаба тут же запросил слова.

– Разрешите, Ваше превосходительство?

Несмотря на заявление о «потере в догадках», домашняя заготовка у полковника всё же имелась. Ведь являться к командующему в расчёте на экспромт – всё равно, что братья мокрыми руками за оголённые провода в расчёте на милость Господню.

– Слушаю Вас, полковник!

Начальник штаба энергично проследовал к столу, на котором была расстелена большая оперативная карта.

– Прошу, Ваше превосходительство, обратить Ваше внимание вот сюда!

И он обвёл карандашом участок на карте.

– Якин, этот местечковый подмастерье, вместе со своим столь же «высокоучёным» начальником штаба, просто ошибся в определении маршрута. Сознательного отклонения от него я не допускаю – «красные» и не подозревают о затеянной Кобылевским игре! Остаётся только одно: в силу безграмотности – как своей, так и «красных» картографов – Якин всего лишь отклонился чуть в сторону! Вот сюда, на юго-восток!

Карандаш начальника штаба, сопровождаемый его торжествующим взглядом, уткнулся в карту. Не снимая с лица улыбки, полковник оторвался от клеёнчатого листа, и приосанился.

– Нам нужно, Ваше превосходительство, лишь слегка повернуть вправо – и Якин будет наш, со всем своим «героическим» сбродом!

Некоторое время Слонов молча разглядывал карту. Наконец, скепсис частично удалился с его лица.

– Распорядитесь, голубчик, собрать командный состав: как говорится, одна голова хорошо – а полторы лучше!

Начальник штаба подобострастно осклабился...

...Заслышав за спиной гулкий топот копыт, усатый сотник резко обернулся.

– ... мать твою!

Текст шёл в сопровождении качественно выпученных глаз.

– Что за чёрт?! Откуда?!

Совсем даже не на горизонте, а всего лишь в полуверсте от него колыхались нестройные ряды пик и посверкивали клинки.

– Быть того не может!

Сотник истово перекрестился.

– Сотня!

Кавалеристы арьергардной казачьей сотни Слонова напряглись в ожидании приказа.

– Рысью – ...арш!.. Да не туда, ... вашу мать!

Казачки и в самом деле «ошиблись адресом»: хоть и нерешительно, но двинулись в направлении вероятного противника.

– Назад!

Этот приказ был выполнен с куда большим энтузиазмом – и вскоре сотня решительным броском подтянулась к основной колонне. Благо, подтягиваться долго не пришлось: по приказу командующего корпус остановился до принятия решения о дальнейших действиях.

– Ни хрена не понимаю!

Утирая выступивший на лбу обильный пот, сотник говорил чистую правду.

– Как здесь оказались «красные»? И как они сумели зайти нам в тыл?!

... – Ага: попались!

Полковник энергично потёр ладонью о ладонь. Недоумевая, сотник, молча таращился на него. Его так и распирало сказать: «Попались»? Ну, разве, что, как в том бородатом анекдоте: «Я медведя поймал! – А ну, веди его сюда! – Да он не пускает!»

– Пошли к командующему!

Сотник не успел и рта раскрыть, как был уже схвачен и волочён на аудиенцию. Или аутодафе: полковник ещё не решил. Это – по обстановке. Как всегда.

– Попались, Ваше превосходительство!

Ликуя всеми компонентами, начштаба выставил впереди себя побледневшего сотника.

– Этот?! – выкатил глаза Слонов: с утра его ужасно мучила печень, изрядно посаженная излишествами молодости.

– Да нет же: «красные»!

– А – этот?

– Свидетель!

– Ну, что ж: заслушаем!

Как всегда, младший по чину прикрыл старшего. Не от избытка сознательности: некуда было деваться.

– Что?!

Заслушав сотника, генерал тут же налился кровью и негодованием. Ускорению помогло и то, что с утра он налился коньяка – невзирая на печень.

– «Красные» – у нас в тылу?! Вы, что, сотник, пьяны?!

– Никак нет, Ваше превосходительство! – «треснул» голосом сотник. Лицо его отработало на контрасте с генеральским: обескровилось. – Ни в одном глазу: вот те крест! Лично видел кавалерию «красных», построившуюся для атаки!

– Но – как?! Как это может быть?!

– Не могу знать, Ваше превосходительство!

Лучший ответ для подчинённого: уставной и без единой зацепки. «Я – маленький человек!», а «каждый сверчок знай свой шесток!»

Эстафета ответственности переходила к начальнику штаба.

– А Вы что скажете, полковник?

– ... – сказал тот.

– Сколько красноречия! – хмыкнул Слонов. – Тогда хоть обстановку доложите!

Широким хозяйским жестом начштаба пригласил командующего к столу. Не к обеденному: с картой.

– Сотник!

Казак сделал строевой шаг вперёд.

– Покажите!

Сотник наклонился над картой, поелозил по ней глазами – и, наконец, ткнул мозолистым пальцем, давно огрубевшим от рукоятки казачьей шашки.

– Вот тут мы их и видели!

«Увидев их тут», начштаба потерял лицо.

– Что, полковник?! – не отстал от начштаба Слонов – ни по части любопытства, ни по части лица.

– Ваше превосходительство...

Голос полковника дрогнул в унисон всем остальным компонентам.

– ???

– Виноват, Ваше превосходительство!

– Итак?

Полковнику не оставалось ничего другого, как поскрести по сусекам в поисках мужества: альтернативы не было.

– Ваше превосходительство! Не могу понять, каким образом, но «красные» вышли в тыл нашего корпуса...

– Ну же, полковник!

– И сейчас имеют возможность нанести удар в тыл и во фланг. Вот здесь.

Карандаш в руке полковника сделал обвод небольшого района на карте.

– Вот тебе, бабушка... и дедушка...

Новая колика обработала печень Слонова. Расплачиваясь не только за грехи молодости, но и за вчерашне-сегодняшний «камбэк», он согнулся, едва ли не пополам. Разогнуться же он смог лишь спустя минуту, когда немного «отпустило». Воспользовавшись паузой между коликами, генерал оперативно подобрел.

– Что мы можем сделать... для устранения угрозы?

«Memento mori!» Начштаба постигал эту истину не на уроках латыни: хребтом и задницей. И не чужими: своими! Да и сам командующий «соответствовал моменту», де-факто признавая радикальное изменение задачи. И то: почти десять тысяч «красных» – в тылу корпуса! Теперь вместо разгрома Якина – а в том, что это был именно он, ни генерал, ни полковник уже не сомневались – приходилось думать о том, как бы самим унести ноги. Вопрос дележа лавров, и без того чисто теоретический, снимался с повестки.

Начштаба оторвал взгляд от карты и постарался не слишком вилять им под оком командующего. На всякий случай, он даже вытянулся во фрунт.

– Ваше превосходительство, я буду прям...

– Надеюсь!

– Ваше превосходительство, «красные» не оставляют нам возможностей для маневра...

– Чего замолчали? Покажите на карте!

Слонов шумно перевёл дух от припозднившейся колики.

– Слушаюсь, Ваше превосходительство! Вот, извольте взглянуть...

Стараясь не тревожить вновь расшалившуюся печень, Слонов последовал за полковником.

– Левый фланг «красных» прикрывают холмы, правый – непроходимая речушка...

– Речушка – непроходимая?!

Генерал, не скупясь, хлестнул иронией. Но начштаба почему-то не упал... духом.

– Так точно, Ваше превосходительство: обмелела и заилилась.

– Продолжайте!

Слонов расстроился: штабной «угорь» опять выскользнул.

– Тем самым, «красные» становятся неуязвимыми для нашего удара, даже если...

– Что за привычка у Вас, полковник!

– ... даже если он был бы возможен в принципе...

– Вы хотите сказать, что...

– Да, Ваше превосходительство: ни о каком ударе не может быть и речи!

– ???

Полковник явно выходил за пределы догадок командующего – и тот не мог отреагировать иначе. Но начштаба уже закусил удила. А, может, «поймал волну».

– Вы спрашиваете, «почему?» Ну, хотя бы потому, что наш тыл и фланг беззащитен перед «красными». Перегруппироваться же нам не позволяет ни рельеф местности, ни лимит времени: «красные» уже выходят на рубеж атаки...

Слонов забарабанил пальцами по карте. Но барабанил он недолго: он был человеком действия, а не книжных сантиментов.

– Но их же – «всего ничего»! Хотя... история даёт нам немало примеров... Что Вы предлагаете?

Второго шанса «отковать железо» могло и не быть – и полковник решительно взялся за «инструмент».

– Немедленно сниматься и уходить от «красных», Ваше превосходительство!

– Мужественное решение!

Новой паузы между колесами генералу вполне хватило на усмешку.

– А они будут преследовать нас, и отжимать к Хватову, под удар основных сил «красных»? Якин отработает наковальной, они – молотом, а мы – несчастной железкой? Так, полковник?

– ???

– Да, полковник, Вы ещё не знаете: фронт пришёл в движение.

– ???

Полковник опять не поверил. И то: огорошивать неприятностями – его привилегия.

– Можете выйти за порог и сами послушать. Не жаворонка, разумеется: «красную» канонаду.

Ещё на пути к постижению начштаба потерял мужество, лицо и прочие компоненты. Но это же подвигло его на решительное трезвомыслие: ничего уже не отвлекало от работы с мозгами. Правда, совершенно не в стиле непобедимого полководца.

– Тем более, нужно скорее «рвать когти»! Пока не прищучили!

– Ну, и лексикон у Вас! – поморщился Слонов. – Не дворянин, а «урка» в мундире!

– Виноват, Ваше превосходительство – но, ей, Богу, не до куртуазии!

Генерал опять скривился. Теперь уже – по совокупности причин: и от колес, и от предложения.

– А что будем докладывать Главкому?

За отсутствием выбора Слонов готов был капитулировать – но не так быстро: «noblesse oblige». За «noblesse» отработывала должность, усиленная скверным характером. Но полковник уже «рвал тельняшку на груди»: её ведь можно рвать не только для броска вперёд.

– Скажем, что нас подвели информаторы Кобылевского, Ваше превосходительство!

И столько мужества было в этом голосе и взгляде, что командующий не мог устоять. Честно говоря – и не пытался.

– Ваше превосходительство!

Начштаба «перезарядил ствол для контрольного выстрела».

– Да, чёрт с ним, с Якиным: на фоне наших...

– ???

– ... Ваших побед во время этого рейда, эпизод с Якиным не стоит выеденного яйца!

Когда мы успешно выйдем к своим, кто вспомнит об этом?

– ...

– Вот именно, Ваше превосходительство!

Полковнику явно не требовался переводчик.

– А, если кто и вспомнит... ну, какая-нибудь завистливая сволочь – что с того? Ну, пожурят нас с Вами...

Щадя самолюбие генерала, а ещё больше – мышечную ткань своих филеев – полковник разделил гипотетическую ответственность на двоих. Но, обнаружив по лицу генерала, что и такого разделения недостаточно, «рванул на пулемёты»:

– Виноват, Ваше превосходительство: меня! Так ведь, с меня не убудет!

– А, если и убудет – то, как с гуся вода!

– Совершенно верно, Ваше превосходительство!

Полковник уже не мог не просить. Если – не по ситуации, воздавая должное юмору командующего, то, хотя бы – по должности.

– Ведь отшлёпают слегка: для профформы. И то – недолго! После того, как споют дифирамбы...

– ???

– Вам, Ваше превосходительство!

Из чувства самосохранения начштаба решил пометчать о «кренделях небесных» – в виде генеральских лампасов – исключительно про себя.

– Да и не до того уже всем будет, Ваше превосходительство!

Если кто и имел основания притязать на лавры библейского змея – так это начальник штаба.

– И ещё, Ваше превосходительство...

Полковник настолько качественно понизил голос, и даже зачем-то оглянулся на дверь, что Слонов моментально исполнился любопытства. На время он даже перестал корчить рожи «печёночного характера».

– В штабе Главнокомандующего уже готов приказ о наступлении на Москву!

– ???

– Святая правда, Ваше превосходительство!

Конкурент самого Мюнхгаузена, полковник на этот раз не соврал: приказ действительно был. Более того: за его разглашение сулилось совсем даже не производство в очередной чин.

– А наш... виноват: Ваш корпус, Ваше превосходительство, наверняка будет играть первую скрипку в этом деле! Представляете: генерал

Слонов на белом слоне... тьфу, ты: на белом коне, под колокольный звон, въезжает в первопрестольную?! Каково, а?

Командующий дозрел. Для того чтобы убедиться в этом, не требовалось даже взглядов украдкой, на которые начштаба был непревзойдённый мастер.

– По коням!

Слонов рывком поднялся с кресла, забыв даже о больной печени: усидеть после такого абриса перспективы он не мог!

Через полчаса степь огласилась топотом тысяч лошадиных копыт и рёвом тысяч человеческих глоток: корпус... нет, не направлялся к месту прорыва: уходил в отрыв. Но тоже – героически...

Глава десятая

– Уходят!

Придерживая разгорячённого коня, начальник разведки осиял Якина счастливым взглядом.

– Ай, да мы с тобой, комиссар! – поделился сиянием Якин. – Как мы – его: шёл стричь – а вернулся стриженным! Будем жить, комиссар?

– Поживём – увидим...

– Увидим, будем жить или нет? Ты, что, комиссар?

– Надо срочно организовать преследование Слонова.

– ???

Комиссар немедленно поправился:

– Ну, не преследование: имитацию. Надо до конца играть роль, иначе нас не поймут.

В смысле: поймут всё и как надо!

Якин «отставил» глаза и задумался. Пальцем в переносицу.

– Да-а...

Эйфория командующего уже приказала долго жить.

– Не исключено... Пришлют аэроплан, сосчитают нас – и ещё раз пересчитают, уже из пулемётов? А?

– Могут, – «добавил оптимизма» комиссар. – Но вряд ли. У Слонова теперь – другая задача: прорваться к своим. Он не похож ни на мстителя, ни на вошедшего в азарт картёжника, который готов спустить с себя всё, до трусов – лишь бы отыграться. Слонов – мужик трезвомыслящий. Он понимает, что его корпус пригодится ещё Иван Антонычу для похода на «белокаменную».

– Так-то оно так, но...

– Да и времени для работы с нами у него уже не остаётся! – «не услышал» Якина комиссар. – Он ведь понимает, что мы хотим отжать его к Хватову... Ну, не понимает: думает... Должен думать... Сейчас перегруппироваться для атаки он не имеет возможности – а сколько этот рельеф будет ещё «на нашей стороне», не знаем ни мы, ни Слонов. Воздадим за это должное российским географам, которым «в падлу» было чертить карты родного Отечества: всё их в «чужие палестины» тянуло!

Комиссар успокаивающе похлопал по плечу Якина.

– Так, что, повезло нам командир: и с природой, и со Слоновым. Оба – то, что надо: природа – неправильная, Слонов – наоборот. Мужик он рискованный – но не дурак. Поэтому связываться с нами он не станет.

Тем более, с «незалежниками» под боком. Думаю, что под Хватовым он вырвется на оперативный простор – и уйдёт к своим, в одну из прорех в линии фронта.

– Ну, дай-то, Бог... Как, говорится, твоими бы устами... Но, знаешь...

Якин остекленел глазами.

– Что ещё?! – не выдержал комиссар. Не мудрено: одна «радость» – за другой.

Командующий медленно повернулся к комиссару.

– А какого хрена он вообще здесь оказался?

– То есть?

– Его рейд нас никаким боком не касался! И сейчас он должен был идти к своим градусов на тридцать севернее? Ну, ладно, мы сбились. По техническим причинам. А он-то? Тоже карта подвела?

Комиссар ушёл глазами в сторону. В поисках ответа.

– Комиссар?

– Я думаю.

– И?

Взгляд комиссара вернулся на лицо Якина. Вопросы в нём уже не было: был ответ.

– Думаю так: какой-то сердобольный дяденька-штабист по доброте душевной решил помочь нам избавиться от тягот пути.

– ???

– Да: вместе с жизнью.

– Ты хочешь сказать, что...

Якин не договорил – и хлопнул себя по лбу грязной пятернёй.

– А я то, дурак, всё думал, как это мы пересеклись с «белыми»? Что мы с ними тут забыли? Шли, каждый своей дорогой, приключений на свои задницы не искали...

– Ну, ты, может, и не искал...

Комиссар многозначительно поиграл бровями.

– ... на свою задницу. А вот Слонов искал – на твою! А вообще, я тебе скажу так: повезло нам!

– ???

Изумления у командующего было столько, что его хватило и на текст.

– Шутишь? Это теперь – юмор такой?

– Ничуть: я серьёзен, как никогда.

В подтверждение своих слов комиссар даже не улыбнулся.

– Ну, посуди сам: и аэроплан с дезинформацией долетел до нас, и твой строптивый характер так своевременно не изменил тебе, и холмы с речушкой оказались посреди степи, как в сказке! Помнишь: бросил Иван-царевич гребень – и появились горы! Так, что дяденька-штабист зря трудился.

Якин задумался – и даже подключил к процессу затылок: взбодрил его пятернёй.

– Но тогда мы должны были встретиться со Слоновым там, куда нас посылал штаб армии? Какого чёрта его сюда занесло?

– Какого чёрта, говоришь?

Комиссар, не спеша, дожевывал сухую травинку.

– Думаю, что занесло его сюда в поисках. В поисках добычи: нас с тобой. Слонов – мужик упрямый. Не встретив нас там, где должен был встретить – по наводке «доброжелателя» – он рассердился. Ну, как же: лишили удовольствия! Рассердился – и пошёл искать. И нашёл! Там, где и должен был найти: в «коридоре» между двумя точками на карте: нашим прежним курсом и тем, который предложил «доброжелатель».

– Ух, этот, мне, «доброжелатель»!

Глаза Якина сверкнули недобрый огнём, особенно эффектно смотревшимся на почерневшем лице.

– Ну, гад! Доберусь я до него!

– Сначала доберись до своих!

– Не бойсь: доберусь! Найду гада, но прежде, чем сдать в Чека, сам поработаю с товарищем!

В очередной раз Якин показал, что в вопросах своего будущего не признаёт сослагательного наклонения. На этот раз комиссар и не думал возражать...

...Распугивая жиденькие «самостийничьи» разъезды одной лишь песенкой о готовности умереть – все, как один, в борьбе за власть Советов – два дня спустя группа вышла к своим у Хватова. Здесь их уже ожидало переходящее Красное знамя и праздничный приказ Реввоенсовета – увы, вместо праздничного обеда.

Едва умывшись с дороги, Якин с комиссаром отправились в Особый отдел за содействием в поисках штабного «доброхота». После скрупулёзного анализа событий за «перебежчиком» Воробьёвым было установлено наблюдение...

...Получив от своих телеграфистов перехват «реввоенсоветовского» «Всем! Всем! Всем!», Кобылевский вызвал Чуркина. Когда тот энергичным шагом вошёл в кабинет, командующий бросил на стол бумажную змейку телеграфного сообщения. Прочитав его, Чуркин удовлетворённо хмыкнул.

– Ну, теперь, Ваше превосходительство, не у одних нас рыло в пуху!

– И это – единственное основание для радости?!

Кобылевский мрачно покосился на начальника контрразведки.

– Пополнившись людьми, Якин опять выступит на фронт – и опять против нас! Как этому сукину сыну удалось вырваться – ума не приложу! Может, вместе приложим?

– Не вижу смысла, Ваше превосходительство!

Полковник вдруг отважился не соответствовать

– Пусть об этом теперь болит голова у Слонова! Хватит нам за всех отдуваться!

Чуркин не играл. Он действительно был рад «проколу» «конкурирующей фирмы». В борьбе за благосклонность начальства оперативные соединения «белых» таковыми и являлись. Имелись и причины личного характера: его собственная неудача с вояжем Усикова в Директорию меркла на фоне оглушительного «успеха» Слонова. Командующего корпусом действительно не похвалили за то, что он не только упустил Якина, но и сам едва унёс ноги. Генерал и его начальник штаба энергично оправдывались тем, что искать каждый «взвод красных» в бескрайней украинской степи – всё равно, что искать хрестоматийную иглу в стоге сена. Тем более, по той «наводке», которую предоставил человек Кобылевского.

Командование корпуса напирало на то, что в условиях дефицита времени, связанного с обеспечением перехода линии фронта после успешного рейда по тылам «красных» – на этом делался особый акцент – заниматься поисками каждой «отбившейся» части противника было бы равносильно самоубийству. А за выход «красных» в тыл корпуса Слонов «благодарил» генерала Кобылевского и его информатора. Последнего он «произвёл в чин» дезинформатора, едва не погубившего лучшую конницу Волярмии, которая спаслась лишь Божьим промыслом да гением командующего.

Но Слонов зря нагружал Кобылевского: «козёл отпущения» был назначен задолго до его объяснений. Попытка генерала найти другие плечи для переложения ответственности не прошла. Они с начальником штаба понесли наказание – недолго и недалеко. Так что нести его не составило труда. А вскоре началось обещанное наступление на Москву, в котором корпусу Слонова действительно отводилась особая роль: тут хитроумный начштаба не обманул генеральских ожиданий...

Глава одиннадцатая

– Ваше превосходительство!

В кабинет командующего стремительно ворвался сияющий Чуркин.

– Радость-то, какая!

– Ну?

– Лбов нашёлся!

– Полковник?!

Кобылевский, если и обрадовался, то «в глубоком подполье»: он был занят картой. Нет, он не изучал её, а всего лишь пытался счистить пятно явно органического происхождения: карта неоднократно совмещала топографию с обеденным столом.

Ожидавший большего энтузиазма на лице командующего, Чуркин убавил его на своём.

– Видите ли, Ваше превосходительство... хм..., не совсем так... точнее... хм... сын полковника: Лбов Георгий Сергеич, шестнадцати с половиной лет от роду, воспитанник кадетского корпуса.

– Опознание произвели? Допросили?

Кобылевский не слишком успешно совмещал себя и Юлия Цезаря. По части десяти дел сразу.

Полковник вытянулся.

– Только самый первичный, Ваше превосходительство. Люди ещё работают с мальчишкой... с молодым человеком – а я прямо сюда... Хотел обрадовать Вас, Ваше превосходительство: Вы ведь были однокашники с полковником.

Кобылевский, наконец, распрямил спину: ему удалось, таки, вернуть карте былое предназначение.

– И кто так мог её загадить?! Стыдно же людям показывать!

«Людьми» должны были отработать представители союзников, ожидавшиеся прибытием на днях.

– А карта секретная – кому попало, не доверишь!

«Не доверишь!» А водку жрать на ней, с кем попало, можно?!».

Разумеется, текст не вышел за пределы «нутра» Чуркина: завеса из подобострастной улыбки держалась на его лице крепко. Посчитав, что Кобылевский достаточно поупражнялся в автодифирамбах, полковник осторожно кашлянул в кулак.

– Осмелюсь напомнить Вашему превосходительству, что я с нетерпением жду указаний Вашего превосходительства!

Конечно, по части пиетета это был перебор – и не только стилистический. Но Чуркин решил, что, с учётом самопрославления

Его превосходительства, кашу маслом не испортишь. Так и произошло: генерал перестал мельтешить по кабинету и устался на полковника.

– Каких указаний? О чём Вы?

Чуркин не остался в долгу: по части ответного удивления.

– То есть, как о чём, Ваше превосходительство? О Лбове!

– А, нашёлся, наконец!

Мстительно ухмыльнувшись, Кобылевский плотоядно... нет, не облизнулся: потёр руки.

– Конец голубчику!

– ??? – вырвалось у Чуркина.

– Как «за что»? – взорвался Кобылевский. – Бросил полк на месяц, хотя отпрашивался на три дня! Трибунал – с последующими оргвыводами! Будет знать, как за юбкой бегать... от службы!

В отношении полковника Лбова Кобылевский был прав: полковник действительно «загулял». Ему «посчастливилось»: брошенная очередным любовником, Елена в безвариантных условиях снизошла к мужу. Теперь она денно и ночью «замаливала грехи», отдаваясь мужу с таким энтузиазмом, что несчастный Сергей Палыч уже и не рад был встрече. Однако деваться было некуда, и он поступал в соответствии с правилом: дают – бери! Ведь завтра могли и не дать! Да и самого завтра могло не быть – хотя бы в этом плане. При таких обстоятельствах ни о какой службе и речи не было: «memento mori!».

– Беда с этими подкаблучниками!

Не удовлетворившись текстом, Кобылевский дополнил аттестацию однокашника смачным плевком.

– Вояки из них – как из меня балерина!

– Полностью разделяю мнение Вашего превосходительства по данному вопросу.

Чуркин не побоялся сказать командующему всю правду – и прямо в лицо.

– Осмелюсь лишь доложить, что я имел в виду... в некотором роде, другого Лбова.

– ?

– Не отца – сына.

– И святого Духа?

Вадим Зиновьевич сотворил на лице смущение, и постучал себя по лбу пальцем.

– Извините, полковник: заработался! Дел уйма – а всё один, да один! Никому же ничего нельзя поручить! Помощников – до хрена, а толку от них, как от козла молока! Вот и приходится всё самому делать!

В продолжение монолога командующего Чуркин не уставал поддакивать тому кивками, тем самым словно показывая, что слова о «не дающих молока козлах» на свой счёт относить не намерен. Генерал же, оседлав любимого конька, явно не собирался с него слезать. Пришлось Чуркину, соблюдая максимальную осторожность, вежливо попросить командующего сделать это. Посредством «возвращения в канву».

– Ваше превосходительство, если я правильно понял Вас, опознание сына полковника надо произвести по всей форме?

– Правильно понял! – решительно переложил груз Кобылевский. – Производи!

– Кого прикажете взять с собой на опознание?

Кобылевский равнодушно пожал плечами.

– Да кого хочешь! Вон, хоть Павла Андреича возьми! Он – мастер на все руки: как говорится, и попить, и побить!

– Слушаюсь, Ваше превосходительство!

Выходя из кабинета, Чуркин искренне посочувствовал генералу: «Что значит – ни капли во рту с утра: старик – явно не в форме!»

...Опознание произошло быстро, без лишних формальностей. Жора сразу же узнал в щеголеватом обладателе адъютантских аксельбантов героического капитана, учинившего вагонный мордобой «дьяволовцам», а Концов так же сразу узнал красивого юношу, с восторгом наблюдавшего тогда за работой его кулаков.

Но порядок есть порядок – и, напустив на лицо показную строгость, капитан «пошёл по вехам».

– Как зовут твоего отца?

– Сергей Палыч, господин капитан.

– Ты можешь описать его внешность?

– Конечно, господин капитан. Тридцать восемь лет. Выше среднего роста. Плотного телосложения. Волосы – тёмно-русые, зачёсанные назад.

Нос и уши – человеческие: не орлиный и не ослиные соответственно. Особых примет – нет, за исключением врождённого благородства.

– А какие у него ордена?

Один из молчавших до сих пор мелких чинов контрразведки решил напомнить о себе. Но лучше бы вместо этого он вовремя вспомнил о том, что слово – всего лишь серебро, а ведь есть ещё и золото.

– Вы бы, подпоручик, ещё о кальсонах спросили!

Пал Андреич «вежливо попросил» контрразведчика больше о себе не напоминать. Чтобы не дискредитировать «органы» в глазах подрастающего поколения.

– Откуда он может знать о том, какие ордена у его отца на текущий момент? Они не виделись целый год – за это время полковник мог совершить массу подвигов и быть неоднократно удостоенным... теоретически!

– В самом деле, подпоручик.

Чуркин неожиданно изменил «ведомственному патриотизму», и поддержал капитана.

– Вы уж – «совсем»...

Традиционное окончание фразы было успешно заменено характерным вращением пальца у виска.

– Нет, отчего же, господи!

Юноша пришёл на помощь не столько подпоручику, сколько себе.

– Я готов дать полный перечень наград отца.

«И не только наград – но и рогов, которыми украсила папу его обожаемая супруга!».

Этот текст «в эфир» разумеется, не шёл. Взамен него Жора чётко и без запинки, словно отвечая урок в кадетском корпусе, информировал «членов комиссии» о наградах своего «героического» родителя.

Концов поднялся с табурета.

– Господин полковник, я полагаю дальнейшие вопросы излишними!

Чуркин благосклонно кивнул головой. Концов уже направился к двери, но на середине пути обернулся.

– Кстати, а почему ты не в Красильниково?

Жора изысканно выгнул бровь.

– А какого хре... пардон, что я там забыл?

– Ну, ты же туда направлялся?

– Да-а-а.

Вот теперь юноша удивился.

– А откуда это Вам известно? Вас же ссадили с поезда?

Концов снисходительно усмехнулся.

– Ну, во-первых, в поезде я слышал часть твоего разговора с проводником. А, во-вторых...

– Вы были приятели с моим отцом?

– Ну, не то, чтобы приятели...

Павел Андреич и не заметил, как усмешка совсем даже не плавно перешла в ухмылку.

– Скажем, так: товарищи. По несчастью.

Положение обязывало Жору обрадоваться – и он сделал это. Правда, не слишком убедительно: подкаблучный и многожды рогоносный папа заслуживал жалости, но никак не уважения. Однако, он был единственно близкой – не считая Ксени – душой. Посему Жора и счёл возможным выдать на лицо некое подобие радостного изумления.

– Да, что Вы говорите?!

Кажется, он и сам ощущал несовместимость лучезарной улыбки и равнодушного голоса.

– Ну, и как – он?

– Как он – мне?

Концов правильно расшифровал вопрос юноши: именно «в такой редакции» он и задавался.

– Ну, что я могу сказать...

Павел Андреич мог сказать о полковнике многое, но, увы, ничего хорошего. Поэтому следовало побереечь уши присутствующих. Да и самолюбие родственника тоже не мешало пощадить.

– Трус...

Концов едва не закончил в формате: «Трусло твой отец порядочное!», но вовремя «наступил себе на язык».

– Труса твой отец никогда не праздновал: тот ещё молодец!

Несмотря на внешнюю торжественность, текст вышел несколько двусмысленным. Особенно в части «того ещё молодца». Чуркин, прекрасно осведомлённый о «героизме» Сергей Палыча, тактично отвернулся к стене, дабы не травмировать ухмылкой сына «героя». И, только взяв под контроль неуместные позывы, он повернулся лицом к компании, и хлопнул перчаткой о ладонь.

– Довольно, господа: вопрос ясен! Прошу Вас, господин капитан, доставить юношу в штаб: Его превосходительство уже ждёт!

– Слушаюсь, господин полковник!

Уже в дороге, сочиняя подвиги, «совершенные» полковником Лбовым в период их совместного пребывания в плену у «кровожадного «батки», Концов обнаружил в себе недожинный литературный талант.

«Героический» полковник в его рассказах выступал, если не Ильёй Муромцем, то уж, Алёшей Поповичем – точно!

– Лишь ему одному мы и обязаны спасением – а то и жизнью!

От смеха Концов давился тактично в сторону.

В продолжение мифологических экзерсисов капитана Жора не уставал прерывать его междометиями, вроде «Ну?», «Да ну?» «Ишь ты!». Иногда он расщедрился на более пространные замечания формата «Бросьте!», «Быть этого не может!». Увы: для иных комментариев Жора слишком хорошо знал своего отца. Но это не помешало ему достойным образом оценить деликатность Павла Андреича: на последней точке мифа он дал слезу. Не в знак признательности заслуг папаши: в знак признательности заслуг Павла Андреича, сочинителя – и очень благородного.

В кабинете командующего Жору уже заждалась торжественная, даже бурная встреча. Его превосходительство уже успел отметить реставрацию карты полулитром коньяка, и сейчас находился в рабочем состоянии. В почти рабочем: до ста процентов не хватало, каких-нибудь, поллитра.

– Боже мой, сколько зим, сколько лет!

По причине «недобора» Его превосходительство как-то не сразу отдал себе отчёта в неуместности подобного энтузиазма. Ведь он ни разу в жизни не видел объект своих ностальгических приветствий.

– Какая встреча! Как ты вырос! Как возмужал!

Для полноты картины оставалось добавить лишь, что-нибудь вроде «А помнишь, как мы с тобой...!» Но Кобылевский удержался буквально «на ленточке». В «нормативном состоянии»: кило алкоголя на кило живого веса – он наверняка сочинил бы мемуары на тему «Бойцы вспоминают минувшие дни...». А так гостю было всего лишь предложено отведать «прохладительных» напитков, как-то: водка смирновская, коньяк шустовский, мадера португальская.

Но и тут сказались «всего лишь полкило»: Кобылевский спохватился не сразу. За это время юноша одним махом осушил полстакана коньяка, ошибочно предложенные ему в неполном формате по причине юного возраста.

– Bravo, bravo!

Командующий сразу же оценил то единственное, что он только и мог оценить в других людях: умение пить.

– Вы делаете явные успехи, молодой человек! Если Вы и в дальнейшем не свернёте на кривую дорожку – в штафирки – Вас ждёт блестящее будущее! Вы уже сейчас – настоящий офицер! Нет, как пьёт, господа! Как пьёт!

Чуркин и Концов немедленно поучаствовали в восторгах Его превосходительства: разделили и добавили от себя. На всякий случай.

– Гусар! Настоящий гусар!

На радостях Кобылевский хватил ещё стакан – и в порядке одностороннего брудершафта односторонне же перешёл «на ты».

– Надеюсь, ты не собираешься стать каким-нибудь путешественником?

– Обижаете, Ваше превосходительство: нешто мы – без понятия?

– Молодец!

Кобылевский одобрительно хлопнул юношу по плечу, и потянулся за бутылкой. В полудойме от неё он вдруг замер: вспомнил инструктаж Чуркина. О том, что за отсутствием папаши неплохо бы удостовериться в личности мальчишки. «Сколько зим, сколько лет!» хорошо – а документик лучше!

– Да, кстати...

Вадим Зиновыч довёл до конца процесс захвата бутылки: святое дело.

– Надеюсь, рекомендательные письма – при тебе?

Такой глупости от вроде бы неглупого генерала Жора явно не ожидал.

– ??? – переспросил он.

Кобылевский игриво покрутил пальцами в воздухе.

– Ну, или что-нибудь в этом роде?

Жора хотел уже растеряться – но в последний момент передумал.

– Ну, разве что – это...

Его пальцы уже нащупали в кармане прощальную записку Ксени.

– Ну-ка, ну-ка! – оживился командующий. После третьего – в присутствии Жоры – стакана, это сделать ему было уже значительно проще. – Сейчас поглядим, какой ты Жора!

Он развернул бумажку.

– Что такое?! Не может быть!

Чуркин моментально отработал начальником контрразведки: весь подался вперёд.

– Что, что такое, Ваше превосходительство?!

Он едва удерживался от того, чтобы не выхватить записку у командующего, или хотя бы не заглянуть ему через плечо – по картёжной привычке.

– Она! – Кобылевский взмахнул бумажкой над головой.

– Шифровка? – с надеждой в голосе подключился Чуркин.

– Да нет же – рука?

– Москвы?!

Чуркин всё ещё не терял надежды.

– Её рука! Я бы узнал её из тысяч! Да что там из тысяч – из миллионов!

Кобылевский припал губами к бумажке.

– Ксения, милая Ксения!

Чуркин как-то сразу утратил интерес к юноше: бурный восторг командующего только помогал ему в этом.

– Господа, если бы вы знали, какая это женщина! Какая это женщина! Богиня! Цирцея! Афродита! Какие руки! Какие ноги! Какая грудь! Какой круп!

Кобылевский едва ли не ревел от восторга. Коньяк, разумеется, тоже участвовал в этом – но не в такой степени.

– Круп-то какой, господа! А какая у неё п...

Кобылевский вовремя проглотил окончание слова – и продолжил его другим – уже печатным.

– ... прелесть, что за женщина, господа!

Жора неожиданно почувствовал укол ревности. Прямо – в сердце: оказывается, его Ксения была не только его и других, известных ему товарищей, но даже этого старого хрена! Но на место ревности тут же заступили мысли: на тему Ксениной «дыры». Она являлась всего лишь логическим продолжением её мозгов. Ведь и в постель Ксения всегда ложилась только с нужными людьми. Выходит, прав старый пердун: что за женщина!

Кобылевский рысью подбежал к юноше.

– Так это – твоя тётка? – ткнул он в записку.

– Ну-у...

– А ты – её племянник?

«Гениально!» – ответил глазами юноша.

Энергичным хлопком Кобылевский одобрил выбор юноши – и с торжествующей физиономией повернулся к Чуркину.

– Так, это ж – совсем другое дело, полковник!

Чуркин не мог не просиять в ответ.

– Конечно, Ваше превосходительство: никаких проблем! Теперь – никаких проблем!

В «дополковничьи времена» Николай Гаврилыч тоже знал Аксинью Николавну – тогда ещё не Спиральскую. Но по причине малого чина он не был удостоен аудиенции в её постели.

Кобылевский никак не мог унять возбуждения. Пришлось опять прибегнуть к «лекарству».

– Предлагаю выпить здоровье этой божественной женщины!

Его превосходительство потряс бутылкой над головой.

– Стоя, господа!

Жора, из чисто прагматических соображений уже почти не ревнует возлюбленную, в знак восхищения её талантами решительно поддержал тост: одним махом взял полный стакан.

Угрызая лимон, Кобылевский протиснул вопрос сквозь месиво:

– А жить ты где собираешься, кадет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.